

Анна МАЛЫШЕВА

ИСТИННЫЙ МАСТЕР ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

ЗЕРКАЛО СМЕРТИ

НИКОГДА НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ ТУДА, ГДЕ БЫЛ СЧАСТЛИВ

Анна Малышева
Зеркало смерти

«АСТ»

2008

Малышева А. В.

Зеркало смерти / А. В. Малышева — «АСТ», 2008

ISBN 978-5-17-052728-1

Наташа возвращается в маленький подмосковный городок, чтобы принять наследство после погибшей сестры. Она – последняя из большой семьи, все члены которой умерли, один за другим, в течение нескольких лет. Старший брат погиб, свалившись в овраг, другого, таксиста, убил неизвестный пассажир, и вот, покончила с собой сестра. Наташа не может поверить в самоубийство Анюты. Та была вполне самодостаточным человеком, набожным, добрым, немного не от мира сего. Наташа выясняет, что после смерти сестры из дома исчезли деньги, а также то, что Анюта встречалась с неким мужчиной. Опросив соседей, молодая женщина окончательно убеждается в том, что вокруг творится нечто недоброе. И она все время ощущает на себе чей-то пристальный взгляд...

ISBN 978-5-17-052728-1

© Малышева А. В., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анна Малышева

Зеркало смерти

Глава 1

– Я всегда говорил, что место довольно глухое!

– В том-то и прелесть, – сказала женщина, стараясь перевести дух после крутого подъема в гору. – Жаль, что солнце уже село...

Остановившись у ограды, она снова прижала к глазам тыльную сторону ладони, пытаясь удержать слезы. Ее спутник терпеливо ждал, пока она отыщет в сумке ключи и ощупью найдет замочную скважину в калитке. Фонарика они не захватили, никто из них не курил, так что не было и зажигалки. Наконец самый массивный ключ подошел – калитка дрогнула и со скрипом поддалась.

Двор встретил их шумной свежестью сирени. Деревьев не было видно, но цветы благоухали в темноте так, что начинала кружиться голова. С реки тянуло свежестью, поднимался ветер.

– «В сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето...»

Он не видел ее лица, но в голосе слышалась грустная, будто заплаканная улыбка.

– «Была жара, жара плыла, на даче было это. Пригорок Пушкино горбил Акуловой горою...»

«Надеюсь, она не собирается читать все стихотворение наизусть...»

Однако снова раздался звон ключей – теперь женщина пыталась отворить дверь, ведущую в дом.

– Ну вот, – послышался ее голос из темных сеней. – Наконец-то...

Под низким потолком вспыхнула лампочка. Он опустил веки – после густых сумерек свет нестерпимо резал глаза. Из мрака выступил массивный окованный сундук, замшелая вешалка, полускрытая под каким-то невообразимым тряпьем... Женщина прошла в комнату и зажгла лампу. Серое сумеречное окно мгновенно стало черным.

– Я никогда не думала, что вернусь в этот дом, – сказала она, обводя взглядом дощатые стены. – Вернусь вот так... Как захватчица!

– Ты недовольна?

Вопрос остался без ответа. Она даже не повернула головы, не пожала плечами. Подошла к стене, коснулась запыленных часов, протерла старомодный пластиковый циферблат без стекла. Золотистые стрелки показывали ровно час – неизвестно, дня или ночи.

– Подумай только, – продолжала она, переходя от кровати к комоду, от комода к столу и везде пробуя пальцем слой пыли. – Сколько было наследников, кроме меня! Я ни на что не рассчитывала. А дом все равно достался мне...

– Ты как будто огорчена?

На этот раз она обернулась. Ее узкое, оранжевое от света лампы лицо осветила бледная, дрожащая улыбка. Женщина как будто опять собиралась заплакать. Она склонила голову, и волосы темно-рыжей волной упали на плечи, плотно обтянутые черной траурной косынкой. Прозрачный кусок черной, наспех скроенной материи придавал ей какой-то неряшливый деревенский вид. И ему вдруг показалось, что рядом с ним стоит какая-то чужая, незнакомая женщина.

– Не знаю, – ответила Наташа. – И нет и да. Когда-то я сбежала отсюда, как из тюрьмы... Потом иногда думала об этом доме... Приходилось! Но вернуться вот так, последней из всех... Этого я не хотела!

Они заночевали в одной из тесных комнаток, позади засаленной кухни, рядом с лестницей на чердак. На сам чердак не залезали – света там не было. Наташа то и дело улыбалась – грустно, робко, как будто про себя.

«Лучше всего продать этот дом, как можно скорее, – твердил про себя Павел. – Не могу видеть эту улыбку! Она становится похожей на сестру, когда улыбается так странно!»

Богатое наследство свалилось на них неожиданно. Наташа любила повторять, что не рассчитывает на него, и вот... Большой деревянный дом в престижном месте – в Пушкино, на Акуловой горе, в сорока минутах езды от центра Москвы. Можно сказать, в историческом месте – по соседству со сгоревшей дачей Маяковского, где тот сочинил знаменитое стихотворение. Земля здесь ценилась очень высоко, да и сам дом чего-то стоил. Сперва она не поверила... Впрочем, мысли о деньгах в тот миг ее не посетили. Наташа была убита страшным известием и даже не думала о том, что разом разбогатела...

Она покинула этот дом пятнадцать лет назад. Все произошло само собой – но в то же время, было подготовлено ею, как заранее спланированный побег из тюрьмы. До школы Наташа добиралась полчаса – летом по крутым пыльным дорожкам, осенью – в грязи, зимой – по обледенелым склонам. «Мы шли в школу, как Филиппки, – шутила она, исповедуясь мужу. – Только головы из снега торчали. Посмотришь налево-направо – и хочется плакать. Черные фигурки через сугробы лезут в школу... За знаниями...»

На Акуловой горе было немало жилых домов, а там жило немало детей, и все ходили в школу... Но одна Наташа уехала учиться в Москву – другие остались здесь. Пошли работать, спились, очертя голову повыходили замуж, слишком поспешно нарожали детей... Но для Наташи этот мир стал слишком тесен, так же, как и старый дом, где жила ее семья. Она уезжала с твердой целью – не возвращаться. Не потому, что была здесь несчастна, а потому, что хотела чего-то иного. Она не ждала никакого наследства... Но наследство само ее дождалось. Дом был пуст.

Когда она уезжала, то оставляла здесь двух старших братьев и младшую сестру. И еще отца. Мать умерла давно, еще молодой, вскоре после того как родила Анюту. Четвертые роды были трудными, и женщина после них так и не оправилась. Девочки не помнили лица матери, зная его только по фотографиям. Когда та умерла, братьям Наташи было десять и восемь лет, ей самой три года, Анюте едва исполнилось шесть месяцев. Ее вскармливали искусственно. С полинявших глянцевых карточек на детей глядела суровая, худощавая женщина с крутой бесцветной завивкой. Она казалась старше своих неполных тридцати лет. Замороженный взгляд ее прозрачных глаз не выражал ничего, кроме подозрительности. Так смотрят хозяйки на рынке, заранее уверенные, что их обвесят и ничего с этим не поделаешь.

– Представь себе, – сказала как-то Наташа, задумавшись о возможном разделе наследства. – Все придется делить на четверых. Братья, Анюта, отец... Они передерутся между собой... Но я драться не буду. Все отдам. На пятерых делить не придется.

И в самом деле, наследство делить не пришлось. Однако дело обернулось совсем не так, как воображала молодая женщина, сбежавшая от скуки и однообразия здешней жизни.

Ее отец умер, выкупавшись восемь лет назад в холодной речке, протекавшей неподалеку. По его собственным словам, он прыгнул в Учу, увидев там громадного сазана, запутавшегося в водорослях, прямо под бетонированным спуском к воде. Рыбу можно было поймать голыми руками – она запуталась основательно и беспомощно была тяжелым хвостом, разгоняя по реке закатные рыжие пятна. Рыбак выбрался на берег мокрый по горло и без добычи. Сазан вывернулся у него из рук и ушел в глубину. Отец Наташи после этого долго хворал, мучаясь от надрывного кашля, а зимой умер от пневмонии.

Павел на похоронах не был – тогда они с Наташей еще не были расписаны, и она сама попросила его не приезжать, чтобы не возбуждать среди соседей лишних слухов.

– Пойми, хотя официально это город, но по сути – все-таки деревня, – внушала она ему. – Конечно, камнями меня не закидают, но пойдут слухи... Я этого не хочу.

Когда умер отец, Наташе было двадцать пять, Анюте – на два года меньше, Илье должно было исполниться тридцать лет. А старший брат, Иван, погиб вскоре после похорон, в возрасте тридцати двух лет, при несколько загадочных обстоятельствах. Он возвращался с работы в феврале, вечером, когда над Акуловой горой стояли сумерки, а вокруг было безлюдно. Повидимому, мужчина поскользнулся на крутом обледеневшем склоне, поднимаясь к дому, и свалился в низину, где из-под снега острыми пиками торчали камыши. Упав отсюда летом, он мог бы только наглотаться болотной воды да раздавить пару лягушек... Может быть еще, ободрать локоть или колено. Но зимой болото замерзло, и Иван неудачно ударился виском об обледеневшую кочку. Его нашли спустя несколько часов, поздно ночью, когда младшие брат и сестра вышли с фонариком посмотреть, куда запропастился глава семьи. Предположили, что Иван упал с горы в пьяном виде – то же самое подтвердило и вскрытие. Однако обнаружили еще кое-какие факты. Удар, полученный Иваном, был не настолько силен, чтобы убить его сразу. Эксперт предположил, что тот еще некоторое время – около двух часов – оставался в сознании, не будучи в силах подняться. О том же свидетельствовал окровавленный, измятый снег вокруг труп – было очевидно, что Иван ползал взад-вперед, тщетно пытаясь выбраться из низины. Вероятно, он звал на помощь, но почему его криков не слышали обитатели домов на горе – оставалось неясным.

На эти похороны Павел пришел. Они с Наташей уже подали заявление в московский ЗАГС, а значит, были все равно, что женаты. Тогда он впервые увидел этот дом и познакомился с уцелевшими членами семьи.

Тридцатилетний Илья – младший брат, был удивительно похож на мать, исключая разве завивку. Его волосы были коротко острижены, но глаза смотрели с тем же холодным, подозрительным выражением, которое так не понравилось Павлу, когда невеста показала ему снимок покойной матери. Парень зарабатывал на жизнь частным извозом и практически не бывал дома, проводя большую часть суток на привокзальной площади, рядом с чисто вымытыми «Жигулями». Сколько он зарабатывал – оставалось неизвестным для всех членов семьи, включая младшую сестру, Анюту, которая получала от него деньги на хозяйство. Он всегда выдавал девушке определенную сумму, ни рублем больше, ни копейкой меньше. Илья руководствовался при этом собственными понятиями о справедливости. Он говорил, что в три горла все равно есть не сможешь, но и голодать понапрасну – глупо. Рыночные цены на продукты он знал не хуже сестры и требовал у нее полного отчета об истраченных деньгах. Двадцатитрехлетняя Анюта в его присутствии выглядела запуганным, не слишком сытым ребенком. На похоронах Павлу запомнился ее робкий, испуганный взгляд – она как будто даже плакать боялась.

Наташа же плакала, не скрываясь. Она призналась жениху, что любила Ивана, несмотря на то что в семье его считали неудачником и разгильдяем, да еще и пьяницей к тому же. Он пошел в отца.

– Но Илья, – говорила она, – в сто раз хуже, хотя много зарабатывает и не пьет. Почему, ты думаешь, он в свои тридцать лет до сих пор не женат? От скупости! Держит сестру впроголодь, дом не ремонтирует, ходит круглый год в одних и тех же джинсах... Даже телевизор у них еще родительский – показывает одни тени... И куда он деньги тратит – уму непостижимо! Копит, наверное, но на что?! Зачем?!

Похоронив Ивана, они остались переночевать. На поминках, кроме них, присутствовали только самые ближайшие соседи. Анюта старательно постелила им в дальней комнате, холодной и пахнувшей плесенью. Мешали спать незанавешенное окно, низкий шорох метели и полная луна, горевшая высоко над горой. Молодые люди всю ночь ворочались и шептались.

– Теперь они останутся вдвоем, – вздыхала Наташа. – Бедная Анюта, она совсем пропадет...

– Почему она нигде не учится? – спрашивал Павел. – Хотя бы в техникуме?

– Ну что ты, – тихо отвечала та, зябко поежившись под ватным одеялом. – Она школу-то с трудом закончила.

– Отсталая?

Наташа обиделась. Она резко повернулась в постели и, лежа спиной к жениху, ответила, что Анюта совершенно нормальна. Ни о каком отставании в развитии и речи быть не может. Девушка очень любит читать, и хотя у нее никогда нет лишнего гроша, чтобы купить книжку, она постоянно приносит книги из библиотеки, расположенной неподалеку, в зеленом деревянном бараке.

– Просто Анюта робкая. Она могла хорошо знать урок, но когда ее вызывали к доске, бедняжка совсем терялась... Тогда и впрямь стояла, как дурочка... До слез доходило. Не знаю, что с ней такое! У нее замечательная память, а вот продемонстрировать ее она не может... Боится. Я даже представить не могу, как бы она сдавала какие-то вступительные экзамены! Она бы со страху умерла!

– Тогда почему не выйдет замуж? – настаивал Павел. – Симпатичная девушка!

– О, замуж, – проворчала Наташа, уходя под одеяло с головой. Ее голос прозвучал глухо и как бы нехотя. – Скажешь тоже! Парней она боится еще больше, чем экзаменов!

На другой день они уехали в Москву. Наташу ждали уроки в школе, Павла – обычный прием в больнице. Ни тот, ни другая не могли себе позволить отпуска за свой счет, хотя у Наташи было тяжело на сердце, когда она думала о младшей сестре, покинутой в заснеженном доме на горе. Та часто ночевала в одиночестве, потому что Илья предпочитал заниматься ночным извозом, дающим большую прибыль.

Через месяц они поженились официально. Свадьбу сыграли скромную, ограничившись несколькими гостями и, конечно, родителями Павла. Те благосклонно отнеслись к невестке, несмотря на то что она не была москвичкой. Более подозрительные родители могли бы предположить, что девушка зарится на московскую квартиру. Однако Наташа втайне гордилась тем, что ее доля в подмосковном доме стоит намного больше, чем скромная двухкомнатная квартира родителей мужа. Она как-то обронила об этом пару слов. Ее, казалось, не поняли или просто не услышали. Но девушке было приятно, что она все-таки это сказала, хотя мужу она твердила, что ни на какое наследство не рассчитывает.

– Какое наследство? – говорила она иногда. – Пустой звук! Там остались Илья и Анюта. Что – продавать дом и делить деньги на троих? Такой подлости я не сделаю. Хотя другая бы на моем месте...

Никаких денег от нее никто и не требовал. Молодая пара уютно устроилась в большой комнате, родители – в меньшей. С утра Наташа уходила в школу, возвращалась довольно поздно. Свекровь кормила ее ужином. Потом усаживались смотреть телевизор – Наташа умудрялась одновременно проверять тетрадки и жаловаться на распущенные нравы учеников. Павел дремал, свекровь решала кроссворд, свекор рассказывал какие-то длинные, и, как правило, скучные истории, которые никого не интересовали, но и никого не раздражали. И порой, когда Наталья поднимала голову от тетради и вслушивалась в этот ровный, домашний шумок – похрапывание мужа, голос свекра, скрип карандаша и шорох резинки над кроссвордом, бормотание телевизора – ей казалось, что она вообще не уезжала в Москву с Акуловой горы, что стоит выглянуть в окно – и она увидит знакомый, идиллический пейзаж – дорогу над обрывом, рослые березы, увитые плющом заборы, болото, где сизые утки учат летать подрастающих утят...

Так прошло пять лет. Наталья перешла в другую школу, где платили больше и можно было заниматься репетиторством с учениками старших классов.

– Слава богу, вступительные сочинения еще нигде не отменили, – говаривала она. – А Илья когда-то смеялся, что я поступаю в педагогический... Говорил, что умру с голоду!

Впрочем, Илья, убедившись, что сестра сумела устроиться в жизни, проникся к ней некоторым уважением. Постоянно курсируя между Пушкино и Москвой, он иногда заглядывал в гости – конечно, если привозил седоков в этот район. Наташа была уверена, что брат не истратит ни капли бензина лишь для того, чтобы с ней повидаться.

Эти визиты были ей в тягость. Илья вваливался без предупреждения, как будто был уверен – тут ему всегда рады. То, что полагалось выпить чаю, само собой подразумевалось. Он умудрялся оставаться еще и на ужин. Родители Павла против этого не возражали, несмотря на то что семья жила скромно, а родственник никогда не приносил с собой гостинцев – даже пачки печенья. Наташа говорила с братом сквозь зубы, в основном расспрашивала об Анюте. Она уже всерьез переживала за будущее сестры. Анюте грозило остаться старой девой. Ей было почти двадцать восемь – и ни единого романа, даже самого невинного.

Брат же гордился тем, что Анюта ни дня в жизни нигде не работала и целиком находилась на его содержании. Наташа, напротив, этим возмущалась.

– Что ее ждет? – говорила она. – Кто она – прислуга, что ли? Как она выглядит? Прямо оборванка! Почему нигде не бывает?

– А я ее дома не держу, – возражал Илья. – Пусть гуляет, развлекается.

– На это нужны деньги! Хотя бы одеться...

Тот твердил, что у сестры есть все необходимое. А если Наташа так за нее переживает – пусть сама подкидывает сестре рубль-другой. Наташе каждый раз приходилось отступаться. Средств на это у нее не было. Муж продолжал работать в городской поликлинике, они все еще жили вчетвером в двух комнатах. Женщина нерешительно мечтала об одной роскоши – о ребенке... Но никак не могла на это решиться. Каждый раз, когда она начинала строить туманные планы, воображая себя матерью семейства, ее мысли неизбежно возвращались к деревенскому дому.

– Если его продать и разделить деньги на три части, – говорила она мужу, – то мы могли бы разменять твою квартиру на большую... Или даже на две однокомнатные. Но куда я дену Анюту? Она такая дикарка... И так привязана к дому!

Анюта и впрямь почти нигде не бывала. Москвы она попросту боялась и даже в родном Пушкино не ходила дальше рынка. Как-то она призналась сестре, что чувствует себя спокойно только на Акуловой горе, на самой окраине города. В любом другом месте ей мерещатся какие-то опасности.

– Ей бы нужно показаться психиатру, – заявил Павел. – Это ненормально!

Наташа снова и снова заступалась за сестру. Та просто тихая девушка, с детства привыкшая кого-то слушаться – сперва отца, потом брата.

– У нее просто покладистая натура, – утверждала она. – Анюту все соседи любят, но ей не везет с парнями... На дискотеку она не пойдет, знакомиться на улице не будет... А вокруг живут сплошные алкоголики. Лучше без мужа, чем с таким...

Наташа готовилась отметить свой тридцатилетний юбилей, когда до нее дошла ошеломляющая новость – брат решил жениться! Ему недавно исполнилось тридцать пять и она привыкла считать его закоренелым холостяком. И вдруг... Она познакомилась с будущей невесткой и была потрясена еще больше. То была тощая, высокая, какая-то иссохшая женщина с птичьим носом и таким скрипучим голосом, что от него сводило скулы, как от кислоты. Приехавшая в гости Людмила высокомерно оглядывала скромную обстановку московской квартиры, говорила о ценах на жилье и новостях светской жизни – тех, которые можно было почерпнуть из бульварной прессы. Но она сплетничала о знаменитостях с таким азартом, что казалось, лично знает всех поп-певцов, политиков и артистов. Все были оглушены и как будто отравлены этой пустой, недоброй болтовней, которую никто не решился оборвать.

– Он сошел с ума! – кричала Наташа, когда гости церемонно удалились. – Что это за чудище?! Наверняка женится на ней из-за денег! Наверняка!

Через минуту ей пришла в голову другая мысль, и она даже застонала:

– Что теперь будет с Анютой?!

Вечером она всерьез задумалась о разделе отцовского наследства на три части. Наташа строила дальние планы – она заберет свою долю, Анюта – свою, они объединят деньги, Павел добавит к этому свою долю московской квартиры, они разменяются с родителями... Анюта будет жить с ними.

– Ты же говорила, что она умрет без своей деревни! – удивлялся Павел.

– С такой невесткой она умрет еще скорее! Я даже представить их вместе не могу!

Наташа отправилась домой, на разведку. Ей удалось тайком переговорить с сестрой. Они уединились в саду – Людмила уже всю хозяйничала в доме, хотя до свадьбы оставалось больше месяца. Анюта казалась еще более забитой и нерешительной. Теперь она говорила шепотом, старательно отводя взгляд, и часто отделиваясь коротким: «Не знаю...» В свои двадцать восемь лет она все еще выглядела совершенным ребенком – казалось, сыроватый воздух дома законсервировал ее, не дал вырасти, обезволил.

– Нет, я не могу, – сказала она, выслушав предложение старшей сестры. – Как я отсюда уеду?

– Очень просто! – убеждала ее та. – Как я когда-то уехала! Паша тебя любит, будешь жить с нами.

– Нет... Как это так! – нерешительно твердила она. – А как же Илья? Все-таки он мой брат...

– А что Илья? – вспыхнула Наташа. – Хватит, покомандовал! Пусть разбирается с супругой, нам до нее дела нет! В конце концов, я тебе сестра, тоже не чужая!

– Не могу, – обреченно бормотала та. – Никак не могу.

– Предпочитаешь, чтобы они тебя со свету сжили?!

– Что ты! – испугалась Анюта. – Он меня не обижает! И она тоже!

– погоди, это до свадьбы! А вот потом – увидишь!

Анюта твердо стояла на своем. При всем своем безволии она порой становилось невыносимо, глупо упряма, и переубедить ее было невозможно. Девушка замыкалась в себе, и даже закрывала глаза, будто хотела показать, что дальнейший спор бесполезен – она ничего не видит и не слышит. Наташа уехала, бросив в сердцах, что сестра пожалеет! Ее звали на свадьбу, она неопределенно ответила, что постарается быть. Про себя женщина твердо решила не ехать, ограничиться поздравительной телеграммой, благо телефона в деревенском доме не было. А уж потом, когда до Анюты дойдет, какую ошибку она совершила, можно будет поставить на своем и забрать ее в Москву.

Однако свадьба не состоялась. За несколько дней до своего юбилея, сбившись с ног, разрываясь между работой и подготовкой к приему гостей, Наташа узнала еще одну весть, которая окончательно ее подкосила. Илья погиб – убит в собственной машине, неизвестно кем, ограблен, брошен на обочине дороги...

Это случилось в одной из его ночных поездок, когда он возвращался из Москвы. Таксисты, дежурившие ночью у станции, видели, как Илья посадил к себе двух пассажиров – парня и девушку. Те были нарядно одеты и явно ехали развлекаться в столицу. Обычно Илья оборачивался за два-три часа – именно столько времени ему требовалось, чтобы доставить пассажиров в нужное место и найти других – обратно. Часто он вообще не возвращался, предпочитая колесить по Москве и подвозить случайных попутчиков. Он ненавидел ездить порожняком и предпочитал не спать еще час-два, чтобы заработать лишние двадцать долларов на обратном рейсе. На этот раз ему не повезло...

Его «Жигули», стоявшие неподалеку от шоссе, за поворотом, заметили из патрульной машины. Машина привлекла внимание и была осмотрена. На передних сиденьях лежал мужчина с разбитой головой. Его карманы оказались вывернуты, часы и бумажник отсутствовали, из машины исчезла автомагнитола. Оружие убийства лежало тут же, на полу, рядом с паспортом, раскрытым и выпачканным в крови. Это была короткая железная палка, которой Илья когда-то запасся, чтобы обороняться от ночных хулиганов, если таковые на него нападут. Эту подробность сообщила приехавшим представителям власти дрожащая от ужаса Аня.

Наталья срочно отменила юбилейные торжества и вместе с мужем бросилась в Пушкино. Сестра забилась в дальний угол и, казалось, была близка к помешательству. О чем бы ее не спрашивали, она только прикрывала глаза и начинала сотрясаться от мелкой, но очень заметной дрожи. Павел дал ей сильное успокоительное, которое привез с собой, и девушку удалось уложить в постель.

Людмила от таблетки отказалась. Она тоже была потрясена, но не так, как Аня. Ее горе носило громогласный и какой-то обличительный оттенок. Казалось, она твердо решила обвинить кого-то из родственников в несчастье, только пока не выбрала – кого именно.

– Мы должны были пожениться через две недели, – твердила она. – Я и следовательно так сказала. Всю ночь мы провели здесь, он уехал шоферить. Аня подтвердит.

– Я вас ни о чем и не спрашиваю, – отвечала Наташа. Хотя она никогда не была особенно привязана к брату, но его смерть – такая страшная, внезапная, накануне свадьбы, была для нее сильным ударом. «Остались одни мы с Аней, – думала она. – Вся семья уже на кладбище!»

Людмила не изъявила никакого желания удалиться из дома. Впрочем, ее никто не гнал. Она помогала готовиться к похоронам и поминкам, охотно обсуждала с соседями страшное происшествие и у всех вызвала сочувствие. Похороны вышли многолюдные – в процессии ехали все таксисты, с которыми Илья был знаком. Они скинулись на венок и закупили несколько ящиков водки. Людмила плакала, Аня до того убивалась, что ее снова пришлось напоить снотворным. Наташа еле держалась на ногах. Она ломала себе голову, как быть дальше с младшей сестрой... И собственно говоря, что теперь делать с Людмилой?

На другой день после похорон она осторожно затронула эту тему, спросив, где та живет. В Пушкино? В области? Или в Москве? Людмила очень насторожилась и нехотя сообщила, что живет в Пушкино. Работала она в продуктовом магазине возле станции, там-то и познакомился с ней Илья.

– Мы с Аней решили продать этот дом, – решительно солгала Наташа. – Я забираю ее в Москву. Теперь она одна, так жить нельзя.

Людмила слушала, заметно темнея лицом. Ее глаза стали положительно страшны – она прекрасно поняла, что ей обиняками указывают на дверь. Наташа знала, что поступает жестоко. В конце концов, откуда ей знать, какие отношения были у брата с этой неприглядной, вульгарной особой? Может быть, настоящая любовь? Но еще более жестоким ей казалось оставить сестру наедине с этим зловещим существом. И собственно говоря, с какой стати? Ведь те двое так и не поженились...

– Значит, я не в счет? – медленно проговорила Людмила.

– Извините, но вы и сами должны это понимать.

– Чего понимать! – неожиданно закричала та, и ее голос так резанул слух, что Наташа инстинктивно зажала уши. – Очень кстати его убили, очень-очень! Теперь делиться не придется, так думаешь?! Я все следовательно сказала, все-все!

– Что – все?!

– Что вы все были против меня! Прямо накануне свадьбы взяли и убили!

Наташа помертвела. Она вспомнила об Ане – но та, слава богу, спала, напичканная снотворным. Павел ушел на реку, проветриться. Ему всегда было неуютно в этом большом сыром доме.

– По-вашему, мы с сестрой его убили, так? – сипло переспросила она. – Я или Аня? А может, обе вместе? Вы понимаете, что говорите?

Людмила продолжала кричать. Она несла уже сущую чепуху, перемежая нелепые обвинения с прямыми угрозами. Но как ни странно, слушая ее, Наташа успокаивалась все больше. Она уже понимала, что Людмила сходит с ума от мысли, что ей придется уйти из дома, где она так прочно обосновалась, где в шкафу уже висели ее яркие платья, на полках стояла посуда – аляповатый сервиз, которым явно никогда в жизни не пользовались... А двуспальная кровать, когда-то принадлежавшая отцу и матери Наташи, была застелена ее собственным бельем – таким пестрым, что начинали слезиться глаза...

– Я тоже говорила со следователем, – сдержанно сказала Наташа, когда та слегка поутихла и начала истерически всхлипывать. – И между прочим, какая у меня могла быть причина, чтобы мешать вашей свадьбе? Женится он или нет – все равно, дом в любом случае делился бы на троих. Не на четверых, как вам, может быть, мерещится.

Она говорила подчеркнуто вежливо, упорно не переходя на «ты».

– А в ту ночь, когда убили Илью, я была дома – у меня трое свидетелей. И хватит об этом! Даже слушать ваши глупости неприятно! Если хотите, я помогу собрать вещи...

– Я все равно, что его жена! – предприняла последнюю атаку Людмила.

– Теоретически, – разбила ее наголову Наташа. – Бывает, что и в день свадьбы жених не является в ЗАГС. И невеста тогда не считается его женой. О чем вы говорите?

– Сейчас гражданская жена тоже имеет право на имущество, по закону...

Она говорила еще долго, особенно упирая на то, что уже некоторое время жила в этом доме на правах жены и вела с покойным совместное хозяйство. Наташа больше не слушала. Она встрепенулась лишь, когда та заявила:

– А если будет ребенок, то я и вовсе имею все права! И ты мне не указ!

Такого оборота Наташа не ждала. Возражать она не стала. Людмила, поскандалив еще немного и напоследок склонив на свою сторону почти всех соседей, все-таки собрала свои вещи и уехала. Это удивило Наташу – та думала, что борьба будет более длительной и трудной.

Зато Аня оказалась несгибаема. Вот этого уже никто ожидать не мог! Теперь, когда девушка осталась в доме совсем одна, жить в нем становилось попросту страшно. Правда, со всех сторон ее участок окружали жилые дома, здесь зимой и летом были рядом соседи. И в конце концов, это был все-таки город – в пяти минутах располагались жилые микрорайоны, магазины, предприятия... Но это только на первый взгляд. На самом деле, место было глухое.

Акулова гора была маленьким обособленным мирком, состоящим из нескольких десятков домов с крохотными, вкривь и вкось нарезанными участками. Собственно говоря, это была уже не та гора, о которой писал Маяковский, а ее остаток – основную массу земли срыли, чтобы насыпать сверху на реке плотину водохранилища. На этом месте сперва устроили пруд, где, как говорили старожилы, когда-то разводили карпов. Потом пруд обмелел, зарос камышами, образовалось болото, которое облюбовали дикие утки, каждый год прилетающие сюда, чтобы вырастить потомство. Но «улица Акуловой горы» все еще существовала и значилась на плане города. Она проходила над болотом, на крутом склоне. Попасть сюда можно было тремя путями. Через болотистую низину, по тропинке, через мелкий веселый ручей – это был самый короткий и красивый путь. Либо через гаражный кооператив – то уже было довольно неприятное путешествие по закоулкам, между длинных рядов гаражей. И наконец вдоль берега реки. Аня предпочитала ходить там, делая большой крюк, когда возвращалась из походов за продуктами. Ей нравился тихий шум воды, сбегавшей вниз по бетонированному ребристому ложу, поросшие цветным мхом набережные и крики детей, нырявших в реку ниже по течению.

– Я никуда отсюда не поеду, – твердила она. Теперь даже соседи в один голос уговаривали ее переехать в Москву. – Мне дома не страшно. Я останусь.

– Летом, конечно, здесь хорошо, – уговаривала ее Наташа. – Просто рай! Но зимой? А осенью, когда вокруг грязь? И ты всегда одна! У тебя ведь даже подруг нет!

– А мне не скучно.

Уговорить сестру не удалось. Заводить речь о продаже дома и разделе наследства при таких условиях было бы просто жестоко. Наташа начинала понимать, что сестра привязана к этому месту всей душой, и, возможно, вовсе не робость и диковатый характер мешают ей покинуть Акулову гору. Анюта казалась чем-то безоговорочно принадлежащим этому пейзажу – вроде березы, криво выросшей над обрывом, ночного лягушачьего хора на болоте, знаменитых летних закатов или памятника Маяковскому, который стоял совсем рядом с их домом, в тени сосен.

– Ее отсюда не вырвешь, в Москве ей не выжить, – пришла к выводу Наташа. – Ну что ж... Пускай живет, как хочет. Страшно за нее, но что делать?

Павел посоветовал Анюте завести большую собаку – пусть охраняет дом и хозяйку. Та отказалась – она боялась собак и держала только тощую полосатую кошку. Остромордый диковатый зверек ловко ловил мышей и спал вместе с девушкой, забравшись под одеяло.

– Я и на ее замужество больше не надеюсь, – грустно размышляла Наташа, когда вернулась в Москву. – Раньше мне казалось, что это Илья ей жить не дает... Не хочет терять бесплатную прислугу. Она же, как рабыня, его обслуживала, даже машину ему мыла каждый день... Работала, как рабыня – за старую одежду, за харчи... Но кажется, Анюта сама ничего менять не желает... Мне как-то трудно представить, что она начнет с кем-то встречаться!

– С кем ей нужно бы повстречаться, так это с хорошим психологом, – гнул свое Павел. О психиатре, впрочем, он уже не заговаривал. Родственница больше не казалась ему ненормальной – разве что чересчур робкой и впечатлительной. – Ей нужно немного прийти в себя, приобщиться к жизни, к обществу.

– А зачем? – задумчиво возразила жена. – Если ей так лучше...

Намного больше тревожило ее другое. Прежде Анюту содержал брат. Как бы скуп тот ни был, но девушка всегда была накормлена и одета – пусть неважно. Впрочем, она никогда не была кокеткой и не обращала внимания на свой внешний вид. Все, что нужно было ей для счастья, – это книги, которые она брала в библиотеке. Но кто будет кормить ее сейчас?

Сама Анюта, казалось, вовсе не задавалась этим вопросом. Она даже не упомянула о нем, снова вызвав у Павла сомнения в нормальности. «Прямо блаженная какая-то, – думал он. – Как будто ей ничего, кроме воздуха, не нужно!»

– Мы ее содержать не можем, – раздумывала вслух Наташа. – Самим едва хватает. С огорода она не прокормится – участок маленький, да и невозможно питаться одной картошкой с яблоками. Ей бы пойти работать... Но она что-то совсем не думает об этом.

Муж уговаривал ее не принимать все так близко к сердцу. Анюта давно не девочка, хоть и выглядит сущим ребенком. Пора ей стать немного самостоятельной. В конце концов найти какую-нибудь работу попроще она сможет – хотя бы пойдет в уборщицы...

Но Анюта ни на какую работу не устроилась, а между тем не было заметно, чтобы она голодала. Сперва соседи жалели одинокую девушку и обсуждали ее тяжелое положение. Потом заметили, что Анюта, вместо того чтобы высохнуть от голода, как будто выпрямилась и порозовела. Она по-прежнему покупала на рынке мясо, фрукты, сыр и творог – все, как при брате. Но если раньше большую часть он съедал сам, а сестру держал на кашах, то теперь Анюта готовила себе все, что заблагорассудится.

Наташа, приехав навестить сестру и заодно отметить в тесном кругу сорок дней после смерти Ильи, была поражена цветущим видом сестры. Та впервые выглядела не как заморенный ребенок, а как взрослая девушка. У нее, казалось, даже грудь налилась и взгляд стал яснее. Анюта расцветала на глазах.

– На что ты живешь? – недоумевала Наташа. – Неужели на сто рублей, которые я тебе оставила?!

– Я же говорила – твоих денег мне не надо, – Анюта вынула из стола сторублевку и отдала сестре. – У меня у самой есть.

– Откуда?

– Илья оставил.

– Илья?! – оторопела женщина. – Погоди... А Людмила об этом знает?!

– Она – нет. Он, на самом деле, не так уж ей доверял... Меньше, чем мне.

Наташа так и села, потрясенная житейской мудростью сестры и ее умением хранить важные тайны. Она никак не предполагала в простоватой Анюте таких черт. Знать, где Илья хранит свои сбережения – а ведь он должен был немало накопить – и никому не сказать! Даже ей – любимой родной сестре!

– Сколько же он скопил? – спросила она, переведя дух.

Вместо ответа Анюта отвела ее на чердак и простодушно показала тайник. В бездействующих, давно сломанных часах, откуда когда-то вылетала кукушка, хранилась жестяная коробка из-под печенья, стянутая резинкой. В коробке оказалась толстая пачка стодолларовых купюр. Наташа, не веря своим глазам, пересчитала деньги. Ей снова понадобилось присесть – ее просто ноги не держали. Этот запущенный чердак, эта бессребреница-сестра – и такие деньги!

– Бог ты мой, – пробормотала она. – Ты у нас богатая невеста! Двенадцать тысяч долларов!

Анюта вновь проявила удивительное знание жизни и даже некоторых законов. Она сказала, что поскольку наследниц у Ильи двое, то и эту сумму тоже нужно поделить пополам. Наташа сперва отказывалась – что-то мешало взять деньги, которые были протянуты ей с таким невинным, простодушным видом, с такой готовностью. Потом она заколебалась. Вспомнила о своих мечтах – отдельная квартира, маленький человечек... Настоящая семья. Если постараться, то на половину этой суммы все это можно осуществить...

– Шесть тысяч я возьму, – сказала она, чувствуя себя почему-то воровкой. Отсчитав деньги, Наташа отдала сестре остаток: – А эти спрячь получше.

– Я сюда же положу...

Жестяная коробка исчезла в часах. Анюта сияла – ей, как всегда, доставило огромную радость кому-то что-то подарить. «А может, Паша прав и она, впрямь, блаженная? – внезапно подумала Наташа, спускаясь вслед за сестрой с чердака. – Как бы я поступила на ее месте? Смогла бы поделиться? С Анютой – да, конечно! Пожалуй, Ивану тоже дала бы немного... Но он пропил бы! Нет, ему бы ничего не дала. И самому Илье – никогда и ничего». Ее мысли лихорадочно скакали, она все еще не верила в то, что произошло, и деньги, которые она держала в руках, почему-то казались фальшивыми. «Какова Анюта! Какова выдержка! Все знать и так долго молчать! Да, это характер... Людмиле-то она ничего не сказала! Значит, понимала разницу... Да что это я, в самом деле, думаю о ней, как об идиотке! Она умница!»

– Сколько лет он их копил? – спросила она у сестры.

– А всегда!

– Кто еще знает о деньгах? – беспокоилась Наташа. – Я к тому, что теперь ты живешь одна, и если пойдут слухи... Это опасно! Понимаешь?

Последовал кивок.

– Никому не говори – поняла?

Анюта снова тряхнула головой и вдруг залилась тихим, немного странным смехом, из-за которого ее многие напрасно принимали за дурочку. Это был наивный, детский смех, как будто уходящий в глубь груди, не успев из нее выйти:

– Никто не узнает! Раньше же не знали!

– Илья велел тебе молчать, или ты сама догадалась? – допытывалась Наташа.

– Сам велел. Да ты за меня не бойся!

На этот раз, возвращаясь в Москву, Наташа вовсе не знала, на каком она свете. Наследство, свалившееся так неожиданно... Тревога за одинокую сестру... Сперва она боялась, что та пропадет без денег, теперь – что деньги делают ее опасной приманкой для воров – при ее образе жизни, беззащитности, даже без сторожевой собаки во дворе...

Но мало-помалу женщина успокоилась. Деньги и в самом деле дали им с мужем возможность произвести обмен квартиры. Родители Павла поселились в однокомнатной хрущевке. Наташа с Павлом – в квартире чуть получше, правда, на самой окраине. Все были счастливы и только недоумевали, что все так складно получилось – будто само собой. Наташа теперь часто навещала сестру и убеждалась, что та вполне справляется с хозяйством и как будто ни о чем не жалеет.

Анюта по-прежнему жила одиноко. Был слух, что к ней пытался захаивать какой-то вдовец, живший неподалеку, в полуразвалившемся доме. Неизвестно, что его привлекло – скромная, неяркая красота девушки или ее дом с участком... Но Анюта ему отказала. Рассказывая об этом предложении руки и сердца, она очень возмущалась и даже начинала плакать, как будто ее незаслуженно оскорбили, закидали грязью. Сама мысль о том, что о ней могли подумать как о чьей-то невесте и жене, причиняла девушке страдание, была глубоко чужда и даже противна – будто ее выставили на всеобщее обозрение, сорвав одежду. Соседи удивлялись, как она выкручивается с деньгами, но судя по всему, никто о тайнике в часах не узнал.

Была еще одна новость, услышав которую, Наташа успокоилась окончательно. Людмила, несостоявшаяся жена Ильи, стремительно вышла замуж. Она больше не появлялась в доме на горе и забыла обо всех своих претензиях. «Жигули» Ильи охотно купил один из его друзей-таксистов. Машина была в идеальном состоянии, и за нее удалось выручить приличную сумму. Наташа специально приезжала из Москвы, проследить за тем, чтобы сестру не обманули при сделке. Все деньги достались Анюте – они-то и оправдывали в глазах соседей ее безработность. Наташа наотрез отказалась от своей части, хотя Анюта настойчиво пыталась поделиться.

– Ты и так сделала для меня достаточно, – уверяла ее старшая сестра. – Не всякий поступил бы так! Ты хоть понимаешь это?

Анюта наивно удивлялась ее словам. Она не понимала... Соседка по секрету рассказала Наташе, что ее младшая сестра часто ходит в церковь и все больше становится похожей на монашку. Наташа вздохнула – этим и должно было кончиться. Хорошо, что хоть так... Хоть какая-то отдушина для одинокой девушки, которая незаметно для всех превратилась в старую деву.

Примерно в то же время Наташа обнаружила, что беременна. Она скрывала это ото всех, удивляясь и радуясь новым, тревожным ощущениям, которыми наполнилось ее тело. Рассказала лишь мужу, когда сомнений не оставалось. Она родила сына – крикливого и крепкого рыжего мальчика, который целиком занял все ее время, вытеснив из головы мысли о сестре, о погибшей семье, о доме на горе. Все это стало казаться каким-то далеким и почти ненастоящим.

Ребенка называли Иваном – Анюта, узнав об этом, страшно обрадовалась. Она любила доброго и беспутного старшего брата, который жалел ее при жизни и с каждой полочки обязательно дарил пакет карамелек, самоотверженно лишая себя лишней бутылки водки. Для него это было большим расходом, чем для человека побогаче и поздоровее – крупная сумма денег. Возможно, Анюта не вдавалась в такие рассуждения, но каждый подарок делал ее счастливой на несколько дней – и конечно, не только из-за конфет. Постоянное чтение романов обострило ее чувства, сделало тайной мечтательницей и фантазеркой. Старшая сестра часто удивлялась тому, как неожиданно тонко Анюта понимает человеческие отношения.

Летом сестры виделись чаще – Анюта умоляла приехать, и сестра провела у нее все теплые месяцы, вместе с грудным ребенком. Павел приезжал по воскресеньям и отсыпался

на веранде, в брезентовом шезлонге. Вечером шел на реку с удочкой, а рано утром уезжал в Москву. Женщины хозяйничали, копались в огороде, Аня нежно возилась с племянником, не помня себя от счастья. Ее, стареющую девственницу, все поражало в этом крохотном мальчике, все приводило в восторг – пальчики, ресницы, уши... Она, едва дыша от волнения, прижимала ребенка к груди, и в такие минуты Наташа с тяжелым сердцем думала о том, какой чудесной матерью могла быть Аня, как нужен ей ребенок... И как он невозможен.

Осенью мать с сыном вернулись в Москву. Стало прохладно, река за соснами посерела, сады наполнились яркими и жесткими осенними цветами, которые казались сделанными из накрахмаленной ткани и совсем не пахли. Аня не провожала родственников на станцию – боялась расплакаться.

– Приезжай к нам в Москву, – уговаривала ее Наташа. – Мы найдем, где тебя уложить. У нас такая большая прихожая, там стоит диван. Ты как раз поместишься.

– Нет, – бормотала та. – Лучше ты приезжай с Ваней весной.

– Боюсь, что я тогда пойду работать, – призналась Наташа. – Деньги нужны. А летом опять буду искать частные уроки.

– А ребенок останется один?!

– Бабушка за ним присмотрит. Она на пенсии.

Аня тревожно заметалась. Она лепетала что-то, совсем сбившись с толку, вдруг метнулась на чердак – хотела принести и предложить оставшиеся деньги, потом стала уверять, что ребенка можно оставить ей на все лето – она ни на шаг от него не отойдет... Сестра дала ей слово – в следующем мае все решится окончательно. Может быть, ребенку и впрямь будет лучше провести лето за городом. Сама-то она не беспокоилась, что Аня не усмотрит за малышом, но вот Павел мог быть против... Он по-прежнему считал золовку блаженной особой, только чудом не поджегшей дом и не упавшей в речку.

Зимой сестры почти не виделись. Только раз, под Новый год, молодая семья навестила Аню в ее домике, живописно занесенном снегом. Стояла оттепель, и девушка, вся розовая, полураздетая, колола дрова для бани. Сам дом отапливался газом – переделки сделал еще Илья. Она взмахивала топором, и старая черная кофточка чуть не лопалась на груди – некоторые пуговицы отсутствовали, другие болтались на ниточках. Увидев остановившихся за калиткой гостей, она с криком бросила топор и побежала к ним, расцветая чудесной, яркой, совершенно детской улыбкой, на глазах становясь красавицей...

Такой и запомнила ее старшая сестра. Она не хотела помнить ее другой – какой увидела в мае, несколько дней назад. Уже в морге.

Особенно ее поразил Анян цвет лица. Как всегда, нежный, чуть смугловатый от постоянного пребывания на воздухе... Но с каким-то голубым отливом – как будто ей в лицо светили синей лампой. О смерти Аня Наташу известили соседи. Они вспомнили о девушке только три дня спустя после ее смерти, когда обратили внимание на то, что ее любимая кошка, как обезумевшая, мечется и воет в закрытом кухонном окне. Дверь взломали. Животное выбежало наружу, одним махом пересекло двор, перемахнуло забор и бесследно скрылось.

Аня лежала у себя в комнате, поверх стеганого ватного одеяла. В комнате стоял тяжелый дух, и соседи поспешили отворить окна. На тумбочке у кровати стояли два пустых стакана и бумажная коробочка от лекарства. Павел, услышав название препарата, запоздало схватился за голову. Аня отравилась тем самым сильным успокоительным средством, которое он когда-то на свой страх и риск давал ей, чтобы облегчить муки от смерти брата. Лекарство без рецепта не отпускалось, и он собирался, конечно, забрать его с собой... Но забыл.

В коробочке оставалось еще шестнадцать таблеток. Аня, улегшись в постель и привычно положив рядом кошку, выпила их все до единой. Записки она не оставила.

Глава 2

– Я не верю в самоубийство.

Наташа произнесла эти слова, даже не повернув головы. Рано утром муж застал ее на веранде, пока еще тенистой. Солнце попадало сюда ближе к полудню. Женщина сидела в шезлонге и сосредоточенно разглядывала аккуратный возделанный участок.

– Ты будешь завтракать? – спросил он, натягивая майку. – Я не знаю, где тут что. В шкафах ничего не найдешь, все стоит вперемешку.

Наташа выбралась из шезлонга и молча прошла на кухню. Ей удалось найти пару яиц, немного масла и серую крупную соль в пакетике. Молодую зелень принесли с огорода. Супруги съели скромный завтрак в молчании. Жена без аппетита отщипывала кусочки черствого хлеба и запивала их чаем. Яичница досталась Павлу целиком.

Поминки по Анюте справили вчера, в кафе. Узнав о смерти сестры, Наташа была слишком потрясена, чтобы заниматься стряпней. Были соседи, всего несколько человек, знакомых женщине с детства. Пришла еще какая-то худощавая, миловидная женщина, которая не произнесла ни слова и почти ничего не съела и не выпила. Молодой рыжий священник довел всех до слез, произнося надгробное слово. Он хорошо знал Анюту и старался сделать вид, что та не была самоубийцей. Наташа, равнодушная к религии, даже не оценила его подвига, за который священник мог получить изрядный нагоняй. У него у самого глаза были на мокром месте, он всячески старался утешить сестру покойной. И это были все гости.

– Как она могла... – Наташа убрала посуду в раковину и остановилась у окна. Все утро она как будто разговаривала сама с собой. – Ведь мы с Ваней должны были приехать на лето!

Сын остался в Москве, у бабушки.

– У нее не было никаких причин умирать... – твердила женщина. – Она жила так многие годы и никогда, никогда не думала о смерти! Она была счастлива и, во всяком случае, спокойна!

Павла занимали другие мысли. Он подозревал, что пустая коробка из-под лекарства привлекла внимание следователя, который занялся самоубийством. И проклинал себя за неосмотрительность.

– Это может нам повредить, – повторял он. – Ты – единственная наследница дома, и теперь, когда Анюта умерла, на тебя посмотрят косо.

Наташа, казалось, не слышала. Она продолжала смотреть в окно, как будто не знала наизусть этого участка, испещренного грядками с пышно всходившими овощами.

– У этого препарата почти закончился срок годности, – продолжал он. – Еще бы пару месяцев – и твоя сестра отделалась бы рвотой.

– А? – обернулась та.

– Я говорю, что у Анюты не было рецепта на это лекарство. Его может выдать только лечащий врач, а в больницу она не обращалась. Единственный врач в семье – я! Провалиться мне, если нас не заподозрят!

Жена, казалось, не поняла. Открыла кран горячей воды, и из сеней донесся гул заработавшего АОГВ. Павел вздрогнул – он никак не мог привыкнуть к этому зловеще-утробному звуку. Вымыв посуду, Наташа расставила ее на полках. Она двигалась медленно, но ее движения были автоматически точны – как у лунатика, пробирающегося по карнизу.

– Ты заметила, как вчера на нас смотрели соседи? – настойчиво продолжал муж. – Тебе не показалось, что нас в чем-то подозревают? Правда, они ничего не сказали, но может, подумали...

Тут она как будто проснулась. Окинув мужа изумленным взглядом, женщина ответила, что мнение соседей ей глубоко безразлично. И Павел, и она сама прекрасно понимают, что

не имеют никакого отношения к смерти сестры. Поймет это и следователь, если дело действительно ведется.

– Ну да, – пробормотал Павел. – Тем более у нас с тобой абсолютное алиби... Мы были в Москве, с ребенком, ходили на работу. И потом, как это можно насильно накормить человека снотворным? Шестнадцать таблеток – это не шутка! И никаких следов насилия, никакой борьбы! Я нарочно обратил внимание на Анюту – ни единого синяка на руках, и лицо такое естественное! Не думаю, что она с кем-то боролась!

– Перестань! Меня волнует другое, – сказала Наташа. – Почему Анюта это сделала? Ты же знаешь, как она была религиозна!

– Самоубийство, кажется, самый страшный грех?

– Я в этих вопросах не сильна, но, кажется, да. Но главное – не было для него никаких причин!

Неожиданно Наташа засуетилась. Она пожелала подняться на чердак. Павел догадался, почему у нее возникла эта мысль. Конечно, он знал о чудесной находке в сломанных часах и о том, как благородно поступила Анюта, поделившись деньгами с сестрой. Они взобрались по шаткой лестнице, прихватив с собой свечу. Наташа распахнула дверцу часов и некоторое время смотрела вовнутрь, освещая рыжим пламенем пыльную нишу с неподвижным механизмом.

– Тут пусто, – сказала она, наконец.

– Она потратила все деньги?

– Ты не понимаешь, – ее голос прозвучал как-то безжизненно. – Потратить деньги она не могла, Анюта жила так скромно... И потом, не забывай, что все деньги за машину достались ей одной, а это почти четыре тысячи долларов. В тайнике была кругленькая сумма, и ее должно было хватить еще на несколько лет как минимум.

– Но у нее могли быть какие-то расходы...

– Брось! Коробка исчезла – этого я не понимаю.

Он тоже не понимал, и жена объяснила. Анюта была сущим ребенком, и, как все дети, обожала, чтобы вещи годами оставались на своих законных местах. Когда она предъявила коробку с деньгами и Наташа посоветовала спрятать наследство понадежнее, Анюта сунула ее на прежнее место. Ей и в голову не пришло ничего другого.

– Я ее знала лучше тебя, – сказала жена. – Если бы коробка опустела или почти опустела, она бы все равно осталась тут – в часах.

– Что за фантазия!

– Это не фантазия, – оборвала его Наташа. – Это реализм! Моя сестра поступила бы так, и только так. А коробки нет.

– Ты полагаешь, что...

Он не договорил – жена снова ушла в себя и перестала его слушать. Она обошла весь чердак, пробуя пальцем запыленную рухлядь, вдыхая затхлый запах прогнившей мебели. Коснулась полуразвалившегося старинного кресла, стоявшего в углу.

– Какая вонь! Я сто раз говорила Анюте, что нужно устроить большую уборку, но разве она послушается...

Она все еще говорила о сестре, как о живой, и это несколько пугало Павла. Сам он был не слишком удивлен самоубийством свояченицы. Будучи врачом, он свято верил в законы наследственности и давно выстроил про себя генеалогическое древо семьи, откуда происходила его жена. «Их мать – крепкая женщина, не выдержавшая частых родов и тяжелой работы. Здоровая практичная натура. Илья явно унаследовал ее основные черты характера, как и внешность. Никогда не пил, копил деньги, собирался жениться на женщине, немного похожей на мать. Старший брат, Иван, пошел в отца. Слабовольная натура, алкоголик, довольно добрый, ленивый, никаких честолюбивых устремлений. Они с отцом даже умерли в один год. Наташа... Пожалуй, она ни в мать, ни в отца. И слава богу – хоть она-то разумна и здорова, никакой пато-

логии, которую можно заметить даже в Илье. Анюта... Бедняжка! Вот на ком все отразилось в самой большей степени! Может быть, девочка была зачата в пьяном виде – кто это может отрицать? Слабовольная еще больше Ивана, восторженная, не от мира сего. Вполне могла покончить с собой из-за какой-нибудь нелепой фантазии, начитавшись книжек. А деньги сжечь. Но как сказать об этом Наташе? Она мне горло перегрызет из-за сестры!»

– Я хотела бы понять, что случилось и почему, – упрямо твердила его жена. – Анюта не была дурочкой, как ты, возможно, думаешь...

– Я вовсе так не думаю, – поспешно солгал муж.

Она гневно повела плечами:

– Разумеется, думаешь! Даже после того как она сумела сохранить деньги и поделилась со мной, ты считал ее сумасшедшей!

– Но...

– Не возражай! Ты презирал ее!

– Никогда! – с горячностью воскликнул Павел. И в этот миг он сам верил в то, что говорил. – Она поступила очень расчетливо и благородно!

– Нет, только благородно, а вовсе не расчетливо – поэтому ты стал ее презирать!

– Кажется, ты хочешь поссориться, – отступил он. – Хорошо, говори, что хочешь.

– Поссориться?! Я пытаюсь докопаться до правды! – Она явно ждала новых возражений, но муж благоразумно молчал. Тогда Наташа, кипя от негодования, бросилась вниз, спускаясь по лестнице с быстротой, которая могла обернуться падением. Павел шел осторожно, не доверяя ни этим гнилым ступеням, ни своенравному характеру жены. Он повторял про себя, что иногда лучше промолчать – потом легче будет поставить на своем. Рано или поздно Наташа опомнится.

– Никакой записки, – бормотала женщина, нервно расхаживая по кухне. – Я бы еще поняла, приди ей в голову какая-нибудь фантазия... Могло что-то померещиться, зимой тут так тихо, что можно сойти с ума! Но ведь уже пришла весна, приехали дачники, мы тоже собирались в гости... Вот так, безо всякой причины...

– А не могла она сделать это случайно? – осторожно спросил Павел. – Может быть, Анюта просто не понимала, что пьет?

– Ну да! Если она прибрала твое успокоительное, а не выбросила, то уж конечно, помнила, зачем ты его ей давал! Еще раз повторяю – не считай ее дурочкой!

– Но она могла забыть! Я привез лекарство три года назад. За такое время...

– Анюта никогда не жаловалась на здоровье. Насколько я знаю, она и в больнице в жизни не бывала.

– Она могла перепутать таблетки с конфетами, – предположил Павел. – Они же были такие яркие, розовые...

Он сказал это и перепугался – жена взглянула на него такими страшными, яростными глазами, что Павел поклялся про себя не выдвигать новых версий.

– По-твоему, моя сестра не отличила бы таблетки от конфетки? – медленно, угрожающе переспросила женщина. – Чудесно. Знаешь, в нашей семье никто еще ложку мимо рта не проносил!

– Наташа, я вовсе не хотел...

– Нет, хотел! – взорвалась она. – Замолчи и не мешай мне думать!

Он и сам рад был замолчать. Наташа выбежала из кухни, и в окно было видно, как та носилась взад-вперед по участку, будто надеясь обнаружить ответ на свои вопросы между ровных рядков. Потом неожиданно вернулась в дом.

– Соседи в один голос говорят, что дом был заперт, все окна закрыты. Иначе кошка смогла бы выбраться наружу, а ведь она чуть с ума не сошла, провела три дня в доме... Рядом с трупом.

Павел только кивнул. Он боялся, что все, сказанное им, может быть использовано против него.

– Значит, Анята заперла дверь, закрыла все окна – при такой-то жаре!.. И приняла твоё лекарство. Рядом стояло два пустых стакана. Этого количества воды хватило бы, чтобы запить оставшиеся таблетки?

Он мог бы сказать, что таблетки в оболочке можно проглотить вовсе без воды, но сдержался. Жена была так возбуждена, что спорить ему вовсе не хотелось. Однако Наташа как будто услышала его безмолвный ответ.

– Тебе тоже кажется, что все это как-то недостоверно? Особенно её расчетливость. Если бы Анята захотела покончить с собой... – Её голос начинал прерываться от сдавленных слез. – Она бы кинулась в реку... Повесилась бы! Но вот так... Отыскать старые таблетки, запастись водой, выпить все до единой... Это непохоже на неё!

– Наташа, ведь дело не закрыто, – решил он. – Ты же знаешь. Будь ещё записка, тогда ладно, но в нашем случае смерть будут расследовать.

– Небольшое утешение!

Она уже плакала.

– Беспokoюсь только, что могут задеть тебя, – он вернулся к больной теме. – Ведь таблетки привез я.

– Какие глупости!

– Во все не глупости. Пока были две наследницы, дом с участком пришлось бы делить. Но когда ты осталась одна...

Наташа отняла руки от опухшего лица:

– Что ты болтаешь!

– Уверю тебя, многим пришла в голову эта мысль. – Павел обнял жену и почти насильно усадил её за стол. Заставил выпить остывшего чаю. Наташа все ещё всхлипывала, но уже тихо, будто по привычке. – Это дико и, конечно, неправда... Но многие так подумали.

– Чудовищно!

– Сколько стоит дом?

Этот вопрос совершенно осушил её слезы. Она посмотрела на мужа, будто не веря своим ушам. Потом обвела взглядом стены, взглянула в окно...

– Наверное... Немало.

– А конкретнее?

– Земля здесь стоит около двух тысяч долларов за сотку. У нас их семь с половиной. Прибавь само строение, подведенный к дому газ, АОГВ, канализацию...

– Тысяч двадцать?

– С ума сошел? – обиделась женщина. – Около тридцати, не меньше.

Сумма его ошеломила. Он никак не думал, что жена когда-нибудь окажется владелицей столь внушительного на его взгляд состояния. Некоторое время супруги молчали.

– Никто не посмеет обвинить меня в том, что я убила сестру из-за дома, – наконец твердо сказала Наташа. – И ты тоже за себя не переживай. Не о том думаешь... Меня беспокоит одно – почему она на это решилась?

Павел мог бы назвать несколько причин, но предпочел сделать это про себя. Дурная наследственность – раз. Одиночество, которое может свести с ума, – два. И наконец могла быть еще какая-то причина, о которой не подозревали даже соседи. Жена тем временем расхаживала по кухне, время от времени выглядывая в окно, будто ожидая гостей. Она всегда смотрела в окно, когда нервничала, и теперь Павел понимал, что она привезла эту привычку отсюда, из дома на горе, где из окна можно было увидеть всю улицу за оградой и всех, кто подходит к дому. В Москве эта привычка была совершенно бессмысленной – окна их квартиры выходили

на рынок, и Павел, глядя с десятого этажа вниз, не опознал бы среди прохожих даже собственных родителей.

– Только не сейчас, только не в мае, – шептала она, оглядывая аккуратно возделанные грядки. – Она ждала, что мы с Ваней снова проведем здесь лето. Я обещала... Она никогда бы так не поступила!

– Ты говоришь, что пропали деньги. И твоя сестра не успела бы потратить такую сумму, – он старался говорить как можно спокойней и рассудительней. – А если бы потратила, то все равно не убрала бы жестянку из старых часов?

Наташа нервно задернула занавески.

– Наконец-то понял! Битый час тебе это втолковываю!

– Не злись. Я просто не хочу, чтобы ты ломала голову над тем, что все равно не сможешь решить сама. Об этом нужно поговорить с человеком, который ведет дело о самоубийстве.

– Да, обязательно, – женщина все еще стояла у окна, придерживая края полинявших занавесок, будто стараясь удержать солнце, рвущееся в дом. Мужу почудилось, что в ее голосе снова слышатся слезы. – Если Анюта погибла по чьей-то вине, я хочу хотя бы взглянуть в глаза этому типу!

Павел не понимал, что проку от взгляда в глаза «этому типу», и пожал плечами. К счастью, жена ничего не заметила. Иначе его могла ожидать еще одна сцена.

– Говорят, где-то здесь, на горе, у нее был жених, – продолжала женщина. – Это меня тоже беспокоит.

– Но ведь Анюта его прогнала?

– Он мог настаивать на своем. А ты помнишь, в какое отчаяние она пришла, когда ей сделали предложение? Мне рассказывали соседи... Они-то посмеивались, но Анюта была в отчаянии. Если этот тип ее преследовал, то... Могло случиться все, что угодно.

Павел не мог отказаться ее сопровождать – жена так горячо рвалась докопаться до истины, что он за нее боялся. Пришлось переодеться в спортивный костюм и отправиться вместе с женой. Он совершенно не представлял, как они объяснят цель своего визита, каким образом намекнут на то, что их волнует... Жена, казалось, никаких сомнений не испытывала.

Она отлично знала, где жил неудачливый жених, и стукнув в калитку, громко окликнула его по имени:

– Дядя Егор? Вы дома?

За серым покосившимся забором раздался лай собаки. Судя по голосу, это была мелкая истеричная шавка, готовая обляять собственную тень.

– Домик-то не ахти какой, – заметил Павел, оглядывая владения неудачливого жениха. – Похоже на какую-то трущобу. Однако у него губа не дура! Ваш дом куда симпатичнее, да и участок больше раза в два! Здесь всю землю раскроили на носовые платки!

– Потому что она тут дорогая, – ответила жена и тут же дернула его за рукав, призывая к молчанию. Она первая заметила хозяина, который как раз показался на крыльце.

То был краснолицый приземистый человечек в грязно-голубой рубахе и бесформенных спортивных штанах. Он босиком прошел к калитке и после секундного колебания опознал Наташу.

– Заходите, – пригласил он, явно смутившись.

Наташа вошла, потянув за собой мужа. Хозяин позвал было в дом, но женщина его остановила:

– Не беспокойтесь, мы на минуту. Я хотела бы поговорить с вами об Анюте.

– Ну что же... – Тот смутился еще больше. Его морщинистая шея побагровела. – Тогда, тем более, нужно присесть. Может, по рюмочке?

– Мы не пьем, – отрезала Наташа. Этим невежливым отказом она окончательно выбила Егора из колеи – тот не знал, что сказать, куда деть руки и глаза. В конце концов устроились

на врытой перед домом скамейке. Наташа критически оглядела участок. Всюду были следы запустения – неряшливо, кое-как перекопанные грядки, старая яблоня с засохшими ветвями, дыры в заборе. Шавка утомилась, увидев, что хозяин сидит спокойно и подошла поближе. Это была рыжая, чудовишно разжиревшая собачонка с черными глазами навывкате.

– Значит, ее похоронили, – подвел итог хозяин. Он так и не дождался, чтобы гости заговорили сами.

– Да, вчера, – ответила Наташа. – Почему вы не были?

Тот тяжело вздохнул:

– А кто меня звал?

– Могли бы и сами прийти. Это само собой подразумевалось. Мы всех звали.

Снова установилось молчание – еще более тягостное. Рыжая собачка, удивленная таким странным поведением гостей, вопросительно их оглядела и нерешительно тявкнула. Хозяин отогнал ее ногой:

– Пошла! Надоела!

Собачка даже не отошла в сторону. Было видно, что живет ей хорошо, и гнев хозяина она всерьез не воспринимает.

– Так вот о чем я хотела с вами поговорить, – продолжила Наташа, собравшись с духом. – Вы ведь сватались к Анюте?

Егор слегка испугался. Он что-то промямлил, пряча глаза, и наконец признался, что так оно и было. Но тут же уточнил, что никаких дурных мыслей у него при этом не было. Наташа не поняла:

– Вы это о чем?

– Да я насчет вашего дома, чтобы вы чего не думали... Зачем он мне? Я не потому к ней заходил... У меня все свое есть, я сам могу жену содержать.

– Ах, вот вы о чем, – она снова обвела взглядом его владения – еще более неодобрительно. – Что ж вы так запустили хозяйство!

– Я же тут один, – оправдывался Егор. – Уже пятый год! А дети разъехались.

– У вас и дети есть? – Наташа смутно припомнила двух здоровенных парней, которые как будто когда-то мелькали на Акуловой горе и имели какое-то отношение к Егору. – Где же они?

– Старший в Москве, а младший – на другом краю Пушкино... У него продовольственный магазин, – последние слова были произнесены с немалой гордостью.

– Помогают?

– Нет, – это было сказано без всякой горечи. – Я еще и сам справляюсь.

– Зачем же вы решили жениться?

Павлу стало неловко за жену. Он решил про себя, что какие бы намерения ни были у этого краснолицего вдовца, но в любом случае нельзя так копаться в его душе. Однако Егор не смутился. Он пояснил, что жить одному скучно, он, слава богу, всем обеспечен и вполне может содержать близкое существо. Он так и выразился, причем почему-то посмотрел на жирную собаку, которая своим видом как будто доказывала – да, в этом доме не голодают.

Наташа фыркнула:

– Неужели не нашлось ровесницы? Сколько вам – под пятьдесят?

– Сорок три. А зачем мне старая баба? – возмутился тот. – Знаешь, Наташа, твоей сестре ведь тоже не шестнадцать лет было...

– Все равно, для вас она была слишком хороша, – фыркнула Наташа. Она окончательно перестала с ним церемониться. – Давно виделись?

– Ну, с тех пор как она меня отшила – только случайно.

– А когда вы ее видели в последний раз?

Егор старательно припоминал, но в конце концов не смог дать точного ответа. Он полагал, что было это недавно – ведь тут, на горе, все постоянно сталкиваются.

– А что это ты ко мне пришла? – любопытствовал он наконец. Павла, как чужака, он в расчет не принимал и даже как будто не замечал. – Ты что думаешь – она из-за меня?..

Наташа резко его оборвала:

– Размечтался! Нужен ты ей был, как...

Павел с изумлением услышал в ее голосе совершенно незнакомые, деревенские интонации. Казалось, еще секунда – и жена начнет «выражаться»... Однако женщина сдержалась и снова перешла на более сдержанный тон:

– Конечно, она это сделала не из-за вас. Я хотела спросить, может, у нее был кто-то другой?

Егор не обиделся. По-видимому, этот мужик вообще не отличался ранимостью. Он ответил, что, может, Анята втайне от всех с кем-то гуляла. Но все-таки вряд ли. Ведь перед тем как зайти к ней «на счет семейной жизни», он навел справки у ближайшей соседки. И та со всей определенностью утверждала, что Анята живет одна, и никакого парня на горизонте нет. Только поэтому он и решился...

– Лучше бы у соседок спрашивали, а не у меня, – хмуро ответил он, внезапно погрузнев. – Жалко девчонку... Я же помню ее маленькую, она все тут бегала...

Павел боялся, что жена, неудовлетворенная его скупыми ответами, заговорит о пропавших деньгах, но Наташа неожиданно распрошлась. Жирная собачка проводила их до калитки уже молча, как своих.

– И чего ты добилась? – высказался Павел, беря ее за руку и уводя подальше от дома. – Он черт знает что о нас подумал!

– Все равно, – устало бросила она. – Мне этот тип не нравится.

– Но каким образом он мог повлиять на ее смерть? – осторожно спросил Павел.

Ему не нравились эти разговоры, сама эта тема, этот дом, так неожиданно доставшийся жене в наследство... Вообще все, связанное с Акуловой горой. Он чувствовал себя здесь настолько чужим, что с трудом мог провести тут несколько дней подряд. Все его давило, все мешало, раздражало или смешило. «Я не деревенский человек и никогда им не стану, – твердил он жене. – У нас на работе, когда узнают, что у моей жены дом в Подмоскowie, то будут завидовать страшно... А мне все равно – хоть бы его и не было».

Смерть свояченицы тоже его потрясла, но он никак не мог понять, почему жена не может принять самого простого объяснения – что Аняте просто надоело влачить свое одинокое и бессмысленное существование?

– Он мог ходить к ней, сидеть на кухне часами, действовать на нервы. – Наташа остановилась на берегу реки, глядя на купающихся вдали ребятишек. Слегка поежилась, подумав о том, что вода, должно быть, все еще очень холодна. – Хотя мне бы уже все рассказали соседки. И потом, не в том он возрасте и не так выглядит, чтобы приставать, после того как ему отказали...

– Даже если бы он не оставил ее в покое, это еще не причина глотать таблетки.

– Да. – Она продолжала смотреть на реку. – Просто я на него злюсь из-за того, что он расстроил Аняту. Конечно, он тут ни при чем. Мне кажется, нужно искать того, кто взял деньги. Тогда многое станет ясным.

– Ты не веришь, что твоя сестра могла их потратить или перепрятать?

Наташа была категорична. Потратить столько денег Анята не могла ни в коем случае. Если бы ей пришло в голову сменить тайник, она бы обязательно известила об этом сестру, прежде чем покончить с собой. Павел в этом усомнился – подобная расчетливость не вязалась с образом покойной.

– Это Илья мог бы назло всем унести деньги на тот свет, – настаивала Наташа. – Анята – никогда. Она бы, скорее, отдала их на церковь...

– Слушай, а это мысль!

Они повернулись друг к другу. Женщина была изумлена тем, что такое простое решение до сих пор не пришло ей в голову.

– Неужели она отдала все? – испуганно спросила Наташа. – О Господи! Она даже не понимала, что можно ограничиться половиной! Я уверена, что она отдала их на церковь!

– Нужно было еще вчера спросить священника.

– Что – прямо на похоронах? – Наташа резко отвернулась от реки и принялась взбираться на гору, в клочья изрезанную огородами. Из-за хлипкой изгороди на них заблел коза. – Узнать-то можно, не думаю, что там делают из этого тайну... Но почему он сам об этом не сказал, этот рыжий батюшка?

Павел с трудом дождался обеда, Наташа совершенно потеряла интерес к хозяйству и была одержима одной мыслью – каким-то образом напасть на след пропавших денег. Она даже сходилась к соседке, ближе всех знавшей Анюту, и обиняками спросила, не жертвовала ли ее сестра на церковь? Вернулась она с неутешительным ответом – соседка ничего ни о каких пожертвованиях не знала и страшно удивилась, услышав, что Анюте было что жертвовать.

– Обязательно зайду к следователю, – решила она.

– Ты, кажется, забыла о ребенке, – вздохнул Павел.

– Сколько он должен оставаться у бабушки?

– Еще пару дней. – Наташа брезгливо принялась чистить старую картошку, заросшую хрупкими лиловыми рожками. – Не могу я этого так бросить!

* * *

Она поставила на своем – впрочем, как всегда, если приходилось спорить с мужем. О здоровье полуторагодовалого Вани беспокоиться не приходилось. Он ел все, что давали, капризничал не больше положенного и давно уже сделал первые шаги и произнес первые слова. Павел, довольно поздно ставший отцом, трепетал над мальчиком, с маниакальным упорством находя у него разные хвори. Мать только смеялась. Она уверяла, что малыш совершенно здоров, а если порой капризничает, то лишь для того, чтобы вызвать к себе повышенное внимание. Ее, выросшую в многодетной семье, никогда особенно не опекали – особенно после смерти матери. Дрожать над здоровым, вполне обеспеченным ребенком казалось ей верхом глупости.

– Ну ладно, – почти угрожающе говорил ей муж, ближе к полудню собираясь в город. – Если что-то случится, я pošлю тебе телеграмму. Черт-те что! У вас даже телефона нет!

– Ничего не случится, – отрезала она. – Мне нужно кое-что выяснить, а раз ты устранился, я займусь делами одна. Буду звонить от соседки каждый вечер. И ты ей звони, если что-то случится.

Муж насторожился:

– Каждый вечер? Ты же говорила о двух днях!

– Ну да, – согласилась она, отпирая калитку. – Два-три дня, не больше. В конце концов, я тоже взяла отпуск за свой счет, а скоро у меня в школе выпускные экзамены. Не беспокойся – не задержусь.

Проследив за тем, как муж спускается с горы и исчезает в зарослях майской зелени, она вернулась в дом. Сейчас, оставшись в одиночестве, женщина была уже далеко не уверена в своих силах. В какой-то миг Наташа пожалела, что осталась. Что она может сделать? И как это будет выглядеть со стороны? Она вспомнила слова мужа о том, что их непременно заподозрят в каких-то корыстных устремлениях, и ее щеки запылали от гнева.

Но она ведь ничего не хотела, ни на что не рассчитывала! Единственное, что она действительно получила, были шесть тысяч, которые отдала сестра! Но разве она просила об этом? Нет, почти отказалась... Взяла лишь потому, что это доставило радость сестре, да еще потому, что эти деньги были так необходимы! Ей было совершенно достаточно этого дара судьбы, сва-

лившегося будто с неба, наследства от человека, от которого она никогда не ждала добра – от Ильи... Беря эти деньги, Наташа говорила себе, что истратит их на дело, ничтожное в глазах окружающих, но великое для нее самой – попытается родить ребенка. И сделала это! Анюта же, вырвавшись из застарелой нищеты, из вечных тисков недоедания, тоже должна была стать счастливее. Эти деньги пошли им обоим на пользу, а о доме Наташа не думала, никогда не думала всерьез!

Она вошла в родительскую спальню и остановилась у большого тусклого зеркала, занимавшего всю стену от пола до потолка. В доме было немало старинной мебели, и Наташа, пожив в Москве и кое-что повидав, уже понимала, что могла бы выгодно распродать родительскую обстановку, получив не меньшую прибыль, чем Анюта – от продажи «Жигулей». Откуда к ним попали все эти вещи? Ореховое кресло рококо с гнилой обивкой, пахнущее затхлостью, как парализованная старуха... А рядом топорно срубленный в тридцатых годах табурет. Кровать с точеными столбиками по углам, с фантастическими животными на передней спинке... И панцирная сетка, на которой спала Анюта. Наташа никогда не думала об этом прежде, воспринимая каждую вещь, как нечто предопределенное, ни в чем не сомневалась, ничего не обсуждала. Но сейчас все ее ставило в тупик.

«Это мое? – спрашивала она себя, разглядывая отражение в тусклом зеркале, которому было лет двести, не меньше. – В самом деле, мое и больше ничье? Как же это вышло?»

Она была болезненно потрясена. Значит, люди, и впрямь могут подумать, будто она строила какие-то дальние планы... Павел боится, что его привлекут к ответственности из-за таблеток. Может, он и прав... Пока никто не сказал ни слова, но, может быть, все еще впереди...

Будь у сестры подруги, они бы наверняка знали о том, что у нее на душе. Но подруг не было. Соседи знали лишь то, что могли увидеть из-за забора, или то, что слышали от самой Анюты. А та, несмотря на свое простодушие, вовсе не любила откровенничать с чужими.

Наташа снова прошла в Анютину комнатку и осмотрела все, что попадалось на глаза. Аккуратно застеленная постель вызывала у нее тягостное чувство – как будто упрекала в чем-то и безмолвно сообщала о том, что никогда не выдаст тайны. Маленький столик, за которым Анюта читала или рукодельничала, был плотно придвинут к окну и пуст – даже пыли не было. Топорно сколоченные стенные полки также были пусты.

«Пустые? – Наташа остановилась перед ними, глядя на гладко оструганные доски. – Но почему? Тут всегда стояли книги. Когда был жив Илья – библиотечные. Потом Анюта решила покупать свои собственные. Где же они?»

Она пошарила под кроватью, нашла пару старых ботинок и сломанную корзинку, с которой Анюта ходила по грибы. Из-под стола появилась кошачья миска с присохшим ко дну рыбьим хребтом. Анюта кормила кошку у себя в комнате, потому что Илья не любил животных и запросто мог пнуть бедняжку, если та показывалась в кухне. После смерти брата Анюта не изменила старой привычке и продолжала держать миску у себя в комнате – вот почему сестра и полагала, что та ни за что не сменила бы тайника с деньгами.

Кошка... Мысль о ней тоже не давала покоя женщине. Если бы Анюта решила покончить с собой, она бы обязательно позаботилась перед этим, чтобы животное не пропало с голоду. Вернее всего, кошку бы выпустили на двор, оставив на крыльце внушительный запас еды. А вышло так, что обезумевшее от страха и голода животное оказалось взаперти и провело здесь трое суток. Разве это вязалось с Анютиным нравом?

«Нет, – ответила себе женщина. – Эти мелочи не насторожат посторонних людей, но мне-то они подозрительны, и от них не отмахнешься!»

Она подумала, что неплохо бы сходить в церковь. Но мысль об этом смущала женщину, которая не была религиозна и почти ничего не знала о церковных обрядах. Как посмотрят на ее приход? Разрешат ли вообще задать какие-то вопросы? Неожиданно ей захотелось домой,

в Москву, подальше от вопросов, от этого дома, который, как будто насупившись, ждал ее дальнейших действий.

«Что я смогу выяснить, да и нужно ли выяснять? – спрашивала она себя. – Возможно, Паша прав и Анюта покончила с собой в припадке отчаяния. Кто знал, что творится в ее душе? Она была затворницей, и физически, и душевно. Внешне спокойна, но внутри могли происходить страшные бури. Кто их видел? Кто мог помочь? Она бы могла обратиться ко мне – у соседки есть телефон, стоит только зайти и попросить позвонить. Но она не позвала на помощь... Кто мог понять Анюту? Даже я никогда ее не понимала».

Она вспомнила сестру, когда та была маленькой. Первые воспоминания относились к поре, когда Наташе исполнилось шесть и она собралась идти в школу. Младшей сестре не было и четырех. Братья-подростки часто не бывали дома – Иван прогуливал школу с регулярностью, которая внушала отцу мысли о том, что парень пропащий. Илья тоже вечно слонялся по городу с друзьями. Девочки росли на воле, копаясь в огороде, бегая по болоту, вспугивая уток и ловя головастика. Анюта один раз чуть не утонула в ручье. Наташа вывихнула ногу, упав с крутого склона, на который пыталась забраться с разбегу. Но девочки были счастливы и свободны, как маленькие зверьки. Тогда они не очень отличались – это Наташа помнила отчетливо. Обе были вполне веселыми, здоровыми и добродушными детьми, всегда готовыми на шалость и на ласку. Им не хватало матери, но ласковость соседок, которые заходили постирать для детей или приготовить борщ, в какой-то мере окупала отсутствие женщины, которой девочки совсем не помнили.

«Мы были так похожи, а потом вдруг стали разными – и это усугублялось с каждым годом, будто кто-то расширял между нами пропасть. Анюта все больше дичала. Кто впервые назвал ее дурочкой? Не помню. Но это было как раз в то время, когда меня стали звать умницей. Может быть, это случилось по контрасту, ведь я делала успехи в школе, а Анюта никак не могла ответить у доски? Но дурочкой она не была, я ведь помню, сколько она читала!»

Наташа снова оглядела пустые полки из-под книг. Куда они делись? Она обшарила дом, думая, что полсотни томов никак не могут пропасть бесследно – но не нашла ни единой книги. Тогда Наташа озадачилась всерьез. Чтобы сестра устроила себе книжную голодовку? Немыслимо! Она не могла прожить без книги и дня. Часто она перечитывала по десятому разу одно и то же – это было все равно, главное – читать, причем читать хорошую книгу. Она помнила, что во время последнего визита к сестре увидела на полке коричневую подписку Эмиля Золя – двадцать шесть увесистых томов в коленкорových переплетах. Зная, с какой скоростью читает младшая сестра, Наташа пошутила, что этого хватит как раз до их приезда в мае. Когда тут станет реветь ребенок, будет уже не до чтения. Павел же пошутил, что Анюте нужно сразу начинать с эпопеи о Ругон-Маккарах – это-де, интереснейшая картина наследственности.

– Алкоголики, ханжи, преступники, святоши, проститутки, – увлеченно говорил он. – Тебе будет интересно.

Анюта, не подозревая, что таким образом он пытается намекнуть на ее собственную семью, согласилась, что это все страшно интересно. Она давно мечтала прочитать что-нибудь Золя, кроме «Нана», а ничего больше в соседней библиотеке не оказалось. И вот теперь у нее будет вся подписка – хватит на зиму. А что еще делать зимой, когда огород занесен снегом, в лес не пойдешь, и остается лишь кормить кошку да изредка прибираться в доме?

Золя тоже исчез. Наташа заперла дом и решительно спустилась с горы. Библиотека – двухэтажный деревянный барак, выкрашенный зеленой краской, располагалась в пяти минутах ходьбы, по ту сторону болотистой низины. Она часто бывала там, когда училась в школе, но после того – ни разу.

Глава 3

Большую часть барака занимали жилые комнаты, населенные вечно пьяными, многолюдными и враждующими семьями. Но в библиотеку вход был отдельный – с торца. Наташа переступила порог и сразу почувствовала себя в детстве. Небольшая уютная комнатка, уставленная стеллажами с потрепанными книгами, стол для занятий и в углу, перед дверью, ведущей в крохотное хранилище, – сама библиотекарша. Только уже не та, что была раньше. Изменилось только это.

Наташа почти не удивилась, узнав в этой женщине ту самую миловидную особу, которая была на похоронах и не сказала ни слова. В самом деле, кто еще мог прийти попрощаться с Анютой? Ее тоже сразу узнали. Женщина поднялась из-за стола, откладывая в сторону карточки:

– Это вы! Присаживайтесь. Я как раз хотела выпить чаю.

Наташа взяла кружку и снова оглядела знакомые стены. Она часто твердила себе, что не склонна к ностальгии, вовсе не грустит о том, что оставила в доме на горе... Но библиотека пахла и выглядела так знакомо, что женщина невольно улыбнулась и потихоньку вздохнула.

– Кода-то у меня здесь был абонемент, – сказала она. – Давно... Теперь даже не верится.

– Ведь вы постоянно живете в Москве? – спросила библиотекарша, придвигая к гостю сухарики в жестяной вазочке. – Анюта рассказывала, что вы звали ее к себе.

Упоминание о сестре вернуло Наташу к прежним мыслям. Прежде всего она осведомилась об имени собеседницы. Ту звали Татьяной. Определить ее возраст было трудно. Тонкая нежная кожа как будто говорила о том, что Татьяне не больше тридцати, но сухие, небрежно причесанные волосы и слишком умудренный взгляд заставляли надбавить еще лет десять. Она выглядела, как женщина, далекая от жизненной суеты, безмятежно существующая в сухом воздухе библиотеки, среди книжной пыли и тишины.

– Спасибо, что были на похоронах, – сказала Наташа. – Надеюсь, на девять дней тоже придете?

Наташа сказала это и осеклась. Она уже и сама не знала, удастся ли оторвать Павла от работы и снова залучить сюда. И потом, как быть с ребенком? Упоминание о поминках вырывалось у нее невольно, по инерции.

– Хотя у нас у обеих работа, времени нет, – уклончиво продолжала она. – Я, собственно, редко сюда приезжаю, а он еще реже.

– Да, Анюта по вам очень скучала.

В этой фразе, сказанной тихо, без нажима, все-таки прозвучал упрек. Наташа снова взглянула в темные глаза библиотекарши и вдруг, на миг, ей показалось, что между Анютой и этой женщиной есть некое сходство. «Это из-за книг, – подумала она. – И ручаюсь, Татьяна тоже никогда не была замужем».

– Я скучала по сестре не меньше, чем она по мне, – ответила женщина после неловкой паузы. – Но ведь не всегда удается бросить все дела и приехать. Анюте это было бы легче, ведь она нигде не работала, у нее было больше свободного времени. Она-то не приезжала, потому что не хотела. Совсем здесь одичала!

Татьяна полностью с ней согласилась, но Наташе все еще мерещилось нечто неодобрительное в складке этих тонких губ, в легком движении бровей. Она даже рассердилась – кто имеет право ее судить? Легко говорить, глядя со стороны!

– Я хотела кое о чем с вами поговорить, – сказала она, наконец решившись. – Ее смерть меня потрясла. Анюта была не из тех, кто пойдет на самоубийство без всяких причин. Должна быть причина – а ее нет. И записки она не оставила.

Татьяна отодвинула чашку с остывшим чаем. Ее лицо стало суровым, и она враз постарела. Теперь было видно, что женщине далеко за сорок.

– Я тоже не знаю, что думать, – призналась она. – Как она могла на это решиться? Зачем?

– Вы ведь не верите, что она могла это сделать в припадке помешательства?

Женщина ответила резким жестом, как бы зачеркивая эти слова:

– Безусловно, нет! Какие приступы, откуда? Анюта была разумна, дай бог каждому! Но меня смущает кое-что... Я хотела вам об этом сказать, но не на похоронах же... И так ее отпели из одолжения, потому что была постоянной прихожанкой...

Наташа насторожилась. И услышала то, что окончательно сбило ее с толку. Оказалось, что за несколько дней до смерти Анюта пришла сюда с двумя тяжелыми сумками и подарила библиотеке все свои книги. Этот дар, все еще неразобранный и незанесенный в каталог, стоял в хранилище – несколько аккуратно сложенных стопок.

– Она избавилась от книг перед самой смертью?! – воскликнула Наташа. – А я-то думала, куда они делись! Потому и пришла к вам!

– Я бы и сама к вам зашла, сегодня же, – кивнула та. – Мне это покоя не давало, думала, вы сможете мне хоть что-то объяснить. Я так удивилась, когда Анюта принесла свои книги и попросила их взять! Безвозмездно, разумеется. Я ничего не поняла! Для нее было так важно, что она может составлять свою библиотечку... Я ей советовала купить то, другое... Хотя она и сама прекрасно ориентировалась в литературе. Такой поступок... Он меня насторожил. Конечно, я не подозревала, что она задумала...

– Вы считаете, она поступила так, потому что готовилась умереть?

– А вы как думаете? Как еще можно расценить этот шаг?

– И совсем ни на что не намекнула? Может, выглядела как-то странно? – допытывалась Наташа. – Ну должно же быть что-то необычное в человеке, который решился на самоубийство!

Татьяна со вздохом вытерла стол и перенесла пустые чашки на подоконник, застланный клеенкой.

– Ничего путного она не сказала, да и выглядела, как всегда. Ну может, немного запыхалась – сумки-то тяжелые. Я допытывалась, в чем дело, а она твердила, что это ей доставит радость. Я даже знаете, что подумала? Что она решилась переехать к вам в Москву, только пока не хочет этого никому говорить.

– Анюта так бы и сделала, если бы решилась уехать, – прошептала Наташа. – Она бы все раздала, раздала.

– Вот и я подумала, что это вполне в ее духе. Такая бесребреница! Но сейчас это выглядит как завещание... Или как предсмертная записка.

Внезапно Наташа вскочила:

– Вы не осматривали книги? Может быть, записка там?!

Татьяна тоже встрепенулась – жестяная вазочка чуть не выпала у нее из рук. Женщины прочли в глазах друг у друга такой страх, что испугались еще больше. Наташа больше не сомневалась, что сестра каким-то образом подготовила свою смерть.

– Давайте посмотрим, – предложила она срывающимся голосом.

Здесь был весь Золя, собрание сочинений Достоевского, Чехов, Виктор Гюго и Метерлинк. Последний удивил Наташу – трехтомник в холщовом переплете явно был издан до революции. Она раскрыла одну книгу. Татьяна улыбнулась:

– В самом деле, редкость. В местном масштабе, конечно. Анюта прочла несколько его пьес в популярном издании, в БВЛ. И так загорелась! Я нашла одного старичка, который продал кое-что из своей библиотеки, и Анюта купила у него дореволюционного Метерлинка. Бедняжка, ей казалось, что она приобрела нечто бесценное!

Она добавила, что не слишком поощряла увлечение своей подруги мистическими пьесами экзальтированного бельгийца.

– Анята и так была слишком впечатлительна, а от чтения Метерлинка могут присниться кошмары. К тому же она совсем не смотрела телевизор, а у таких людей восприятие более обостренное... Телевизор все притупляет.

Женщины рылись в толстых томах, переворачивали пожелтевшие страницы, ощупывали переплеты. У Татьяны дело шло быстрее. Она касалась книг уверенными, точными движениями и вскоре, покончив со своими пачками, помогла Наташе.

Они не нашли ничего.

Наташа медленно вытерла руки, стряхивая приставшую к ним пыль. Кончики пальцев стали сухими и как будто безжизненными.

– Всегда так – надеешься на что-то, и впустую, – загадочно произнесла Татьяна.

Наташа хмуро подняла глаза. Теперь библиотекарьша начинала ее раздражать. Несколько минут назад ее охватила странная надежда, которая так и не оправдалась. И она чувствовала себя обманутой.

– Глупо было думать, что в книгах найдется записка, – сказала Наташа. – Это не в духе моей сестры. Уж очень замысловато. Она бы просто оставила записку на столе.

Женщины опять переглянулись. Татьяна аккуратно сложила книги и выпрямилась, привычным движением оправляя юбку на узких бедрах.

– Знаете, мне бы хотелось поговорить с вами откровенно, – решила Наташа. И она все рассказала – о пропавших деньгах, о неудачном сватовстве, о запертой в доме голодной кошке. Татьяна слушала с непроницаемым лицом – как будто не решаясь составить окончательного решения. Когда та замолкла, библиотекарьша вздохнула:

– Я знаю этого горе-жениха. Грустно, что эти типы так высоко себя ценят. Он всерьез посчитал, что осчастливит Аняту!

– Анята и впрямь была оскорблена этим сватовством?

– До глубины души, – отчеканила та. – Когда она отказала, он позволил себе намекнуть, что на старых дев спрос невелик.

– Ах, сволочь! Но он хотя бы не преследовал ее после?

Татьяна пожала плечами. Во всяком случае, она ничего об этом не слышала – Анята не жаловалась. Да и Егор не такой человек, чтобы приставать после того, как его отвергли. У него своя гордость.

– Он, конечно, полное ничтожество, но все-таки не идиот, – с прежним презрительным оттенком проговорила женщина. – Не нужно его недооценивать. Я думаю, что предложение было сделано не без задней мысли – конечно, принимались в расчет и дом, и участок, да и Анятина внешность его привлекала... Потом, ему просто нужна была женщина в доме, хотя бы для того, чтобы готовить и копать огород... – Она снова усмехнулась – коротко и недобро. – Но Анята отбрила его так, что повторных попыток он, конечно, не делал. Я в этом уверена.

А вот о деньгах, спрятанных в жестяной коробке, библиотекарьша ничего не знала, хотя не слишком удивилась, узнав, что Илья оставил внушительное по местным меркам наследство. Заметила только, что всегда подозревала – парень копит на черный день. Скупость Ильи и его любовь к деньгам были известны всем и каждому. Кто-то подсмеивался над ним, но большинство соседей его уважало.

– Я рада, что Анята получила хоть какую-то компенсацию за все свои мучения, – сказала она, и в ее голосе опять послышался упрек.

Только вот в чей адрес? Наташа начинала ежиться – ей казалось, что в комнате становится все холоднее. «Она как будто все время намекает, что я могла больше делать для сестры», – подумала женщина. И, как будто отвечая на ее мысли, библиотекарьша продолжала:

– Понятно, что Анята могла переменить свою жизнь, уехать к вам... Но только теоретически. А на самом деле, каждый человек действует только в тех рамках, в которые сам себя

поставил. Теоретически Анюта могла уехать в любой момент. Но на практике, никогда не смогла бы покинуть дом и оставить брата – вот в чем беда.

– Меня удивляет, что деньги исчезли, – повторила Наташа.

– Меня тоже.

Библиотекарша хотела сказать что-то еще, но тут появились посетители – две девушки лет шестнадцати. Они спросили что-то из школьной программы, и Татьяна принялась рыться на полках. Наташа отошла к окну.

Какая знакомая улица! И какие знакомые лица мелькают за окном, за оградой маленького палисадника! Вот эту женщину она как будто знает – или нет? А эта молодая мать с коляской – неужели одна из ее бывших одноклассниц? Даже пробежавшая мимо рыжая собака показалась ей неуловимо знакомой. Все казалось таким милым, домашним и родным, но Наташе почему-то было неуютно, как будто ей снился много раз повторявшийся сон, каждый миг могущий обернуться кошмаром.

Девушки ушли, получив желаемые книги. Татьяна виновато улыбнулась обернувшейся гостье:

– Сейчас я выдаю им кое-что из Анютиного наследства. У нас в наличии этих книг не оказалось, ну и вот... Пришлось. Я даже карточек еще не оформила.

Снова вошли посетители – на этот раз пожилые женщины. Они сдали какие-то романы, получили что-то взамен. Наташа проследила за ними, поймала на себе внимательные взгляды и подумала, что пора уходить. Что еще она могла тут выяснить? Того, что она уже узнала, хватило, чтобы окончательно потерять покой. Сестра все-таки готовилась к смерти...

– Еще один вопрос, – сказала она, когда женщины удалились, беззастенчиво кидая на нее изучающие взгляды.

– Вы насчет запертой кошки? Да, это тоже странно...

– Нет, насчет денег. Она не могла пожертвовать их на церковь?

Татьяна замялась. Было видно, что вопрос ей крайне не понравился.

– Да как вам сказать, – неохотно произнесла она. – Анюта бы все отдала, если ее попросить... Но вряд ли отец Николай просил.

– Тот, рыжий? – уточнила Наташа и тут же осеклась. Лицо ее собеседницы разом потемнело, напряглось – будто сжалось в кулак.

– Да, это он ее отпевал, – отчеканила она. – Но я никогда ни о каких жертвованиях от Анюты не слышала.

«Еще одна богомолка! – грустно подумала Наташа. – Все старые девы, видно, к этому склонны. Уж не она ли обратила Анюту? В нашей семье никогда религиозностью не отличались. Когда я уезжала в Москву, Анюта еще и понятия не имела, как надо креститься».

– И все-таки мне хотелось бы с ним поговорить, – упрямо сказала она. – Нет так нет, тем хуже для меня. Я хочу знать, куда делись деньги. Уверена, это связано с ее смертью!

Татьяна снова разложила на столе библиотечные карточки. Не поднимая головы, она ответила, что повидать отца Николая проще простого. Священник живет неподалеку и в этот час должен быть дома, обедать. Если гостья может немного подождать, она отведет ее к нему.

– Мне только нужно закрыть библиотеку и забрать ребенка из детского сада, – сказала она. – Сегодня у нас короткий день, работаем до двух.

Наташа смутилась и присела, безмолвно выражая свое согласие. «Значит, я ошиблась, она не старая дева, – женщина уже не знала, что и думать. – Я как будто иду на ощупь, в темноте... Но вот богомолка точно, иначе откуда ей знать, где живет батюшка? Похоже, она бывает у него запросто!»

Библиотеку закрыли через полчаса. Посетителей больше не было. Детский садик тоже был неподалеку – в соседнем дворе. Наташа с улыбкой взглянула на крохотную пухлую

девочку, удивительно серьезную для своих лет. Та подошла к матери чинным шагом и вложила в ее ладонь короткие толстые пальчики. Татьяна ее поцеловала.

– Я хочу есть, – требовательно заявил ребенок.

– Сперва мы пойдем к дяде, – сказала она. – Потом поужинаем.

– Тогда я пойду домой сама, – заявило самостоятельное дитя и немедленно вырвало руку.

Наташа уже не знала, что и думать. К какому еще дяде? Кто – дядя? Татьяна развеяла ее сомнения, изловив дочь и твердо взяв ее за руку. Она объяснила, что отец Николай – ее родной брат, младший. А дочка не любит у него бывать, потому что привыкла своевольничать, а у него дома детям этого не разрешают.

– Когда растишь ребенка одна, да еще отдаешь в детский сад, трудно за всем уследить, – доверительно сообщила она, идя с Наташей вниз по улице. – В садике их не очень-то воспитывают – просто присматривают, и на том спасибо.

Они шли к Акуловой горе, только по другой стороне болотистой низины. Повернув голову, Наташа увидела вдалеке свой дом – такой маленький, почти скрытый сиренью.

– Да, – сказала она. – Я бы тоже не хотела отдавать ребенка в ясли... Но что поделаешь? Мне нужно идти на работу.

И тут поняла, что, в принципе, на работу ей идти уже не нужно. А вот что действительно необходимо сделать – это вступить в право наследования и продать дом. К тому же сейчас самый сезон, летнее время – можно взять хорошие деньги. После этого она сможет себе позволить воспитывать ребенка так, как ей хочется, забыв о чужих детях, о школе, о вечной нехватке средств... И может быть, даже родить второго ребенка – почему нет?

«Какое мне дело до того, что скажут люди?» – снова подумала она, покорно следуя за Татьяной. Они все больше приближались к лесу. «Мы с Пашей ни в чем не виноваты. Наследство достается тому, кто пережил остальных родственников... Это и страшно, и справедливо одновременно. Я не добивалась этого, просто всех пережила».

Ей вдруг расхотелось идти к священнику, расспрашивать, уточнять, делать какие-то выводы. В Москве ее ждали сын и муж, которым она была действительно нужна. Здесь же у нее не осталось ничего, кроме опустевшего дома и нескольких могил на кладбище. Зачем же она так упорно цепляется за это отмершее прошлое? Кого этим можно воскресить?

– Сюда, – сказала Татьяна, сворачивая во двор.

То был последний многоквартирный дом на самой окраине города. Белый, панельный, давно облезший от ветров и дождей, он производил жалкое впечатление. Наташа как-то побывала тут в гостях у подружки и знала, что квартирки в этом доме тесные и душные, с невероятно низкими потолками. Правда, вид из окон превосходный – на закат, на Акулову гору...

– Ваш брат живет здесь? – изумилась она.

– Ну, что бог дал, – заметила та, открывая дверь подъезда. – Он ведь не богач.

Отец Николай жил на втором этаже, в трехкомнатной квартире. Навстречу гостям выбежали дети – две девочки почти точные копии малышки, только чуть постарше. Они тут же занялись кузиной, которая смотрела на них с явным неудовольствием. Отец Николай обедал – его пришлось поднять из-за стола.

Он тоже сразу узнал Наташу. Вопрос разрешился мгновенно. Никаких пожертвований ее сестра не делала, даже упоминаний об этом не было. Он был крайне удивлен, что такой вопрос вообще мог возникнуть.

Наташа, чувствуя себя страшно неловко, поспешила удалиться. Она почему-то представляла себе быт священнослужителей не таким, как у обычных людей. Более возвышенным, что ли... Но запах стирального порошка из ванной, где явно было замочено белье, шум воды на кухне, визг расшалившихся детей и звук включенного телевизора в дальней комнате... Все это было настолько обыденно, что ей захотелось сбежать куда подальше. Она даже не была уверена, что простилась с хозяевами должным образом.

«Ох, и дура же я! – думала она, спускаясь в низину по крутой тропинке. – Набросилась на невинных людей с какими-то идиотскими вопросами... А ведь это явно с Татьяниной помощью Анюту отпели как положено! Кто бы еще похлопотал за самоубийцу! Деньги – какие там деньги! Как он живет, этот отец Николай – мы с Пашей и то лучше. А я думала, священники богатые... По крайней мере, необычные какие-то... И он совсем еще молодой – почти мальчик!»

Она легко, привычно перепрыгнула через ручеек, пересекавший низину. На минуту остановилась под липой, слушая, как надрываются лягушки.

Ей припомнилось, как в детстве они с Анютой выдумали сказочного персонажа – Великого Лягуха, который живет в глубине болота и повелевает всеми остальными лягушками. Конечно, это Великий Лягух, и никто другой, кричал по ночам громче всех и дирижировал общим хором. Среди ночных лягушачьих трелей легко было выделить его сочный басовитый голос. Если все остальные были в этом оркестре гобоями и тромбонами, то он – басом-геликоном. Про Лягуха сложилась целая мифология, которую сестры пополняли чуть не каждый день. «Кто откусил кусочек луны?» – спрашивала Анюта, глядя в вечернее светлое небо, где луна казалась половинкой разрубленной серебряной монетки. «Великий Лягух, конечно!» – немедленно отвечала Наташа. «Наверное, он подавился, – притворно горевала Анюта. – Надо бы найти его и похлопать по спине...» Тут сестры начинали смеяться. Найти его? Великий Лягух не находим! Он волшебное, заколдованное существо, которое можно только слышать, но никак не видеть и не осязать!

Наташа грустно улыбнулась. Великий Лягух... Здесь ли он еще? Она прислушалась и, кажется, различила в нарастающем хоре его бас. «Ничего не меняется, – сказала она себе. – Вот и Анюта умерла, да и я тоже не вечна... Род приходит, и род уходит... Почему я вспомнила эту фразу? Ах да, я же была в гостях у священника. А Великий Лягух и сто лет спустя будет так же кричать на болоте, и луна будет такой же, и гора, и сосны на горе... Что я делаю здесь? Чего ищу? Пора возвращаться в Москву».

Она чувствовала себя невероятно разбитой, когда поднялась на гору и вошла в дом. Чтобы как-то занять время и отвлечься, Наташа включила приемник и взялась за уборку под аккомпанемент музыки и выпусков новостей. Подмела полы, вытерла пыль, навела порядок в кухонных и бельевых шкафах, даже вымыла окна. Она закончила уборку, когда уже вечерело, и теперь в самом деле устала до изнеможения. Выключив приемник, Наташа налила себе чаю и, усевшись за стол в кухне, сжала виски ладонями.

«Уеду завтра же, с утра, – твердила она себе. – Нечего тут делать. Паша прав – нужно все продать, все забыть. Как я смогу привезти ребенка сюда, где умирала вся моя семья? Никогда. Никогда больше я не проведу здесь лета!»

Ей показалось, что в висках застучала кровь, и она отняла ладони. Странно. Погода стояла ясная, теплая, совершенно летняя. Никаких признаков близкой грозы не замечалось, а в висках у нее давило только перед грозой... И все же этот противный, отчетливый стук, эта пульсация...

Женщина замерла, прислушиваясь. Теперь она отчетливо различила, что стук доносится не из ее головы, а откуда-то из глубины дома. Что-то негромко стучало там с удивительной механической размеренностью – будто метроном.

«Что это? АОГВ? Нет, ничего похожего. Форточка стучит?» В самом звуке не было ничего пугающего, но ей вдруг стало не по себе. Она встала, осторожно выбралась из-за стола. Выглянула в другую комнату. Еще не стемнело, и женщина с порога разглядела, что комната пуста, чисто вымытое окно закрыто. Тогда она обошла весь дом. Окна были закрыты, даже в комнате Анюты, которую пришлось долго проветривать...

Вечер был настолько тих, что казалось, слышался скрип прорастающей на грядках капусты. Других звуков не было – только залиvistый хор лягушек, в котором все яснее различался голос Великого Лягуха. Но женщина больше не улыбалась. Стук повторялся, он шел откуда-то сверху. Она подняла голову, стараясь определить его источник, и увидела лестницу, ведущую на чердак. Люк был открыт – так его вчера бросил Павел, спустившись последним.

«Это кошка вернулась, – поняла она. – Как же ее звали? Марго? Маруся? Мурка? Как-то на «М». Я совсем про нее забыла! Что же с ней делать? Придется взять в Москву, не продавать же вместе с домом!»

Она стала взбираться по лестнице, прислушиваясь, останавливаясь через каждые две ступеньки. Стук становился все отчетливее, в нем было что-то невероятно знакомое, хотя и основательно забытое. Что-то из прошлого, из детства, что было неприятно вспоминать... Да не то что неприятно – страшно!

Она почувствовала беспричинный страх, замерев у чердачного люка. Откуда пришло это жуткое дуновение, этот смертельный ужас, наполнивший все ее тело, заменивший кровь, размягчивший кости? Она была готова упасть и устояла, только схватившись за гнилые перила.

– Муся... – слабо позвала она. Имени кошки Наташа не вспомнила, но ей хотелось услышать звук собственного голоса. – Марго? Мурка?

Она никогда не считала себя способной на подвиги, но один подвиг все-таки совершила. Одолела последнюю ступеньку и приказала себе войти на чердак. Кошку она уже не звала – ей было слишком страшно.

В первый миг женщина не увидела ничего. Маленькое грязное окошко давало слишком мало света. Когда глаза привыкли к сумраку, Наташа огляделась. Все, как прежде – сгнившее ореховое кресло рококо, картонные коробки с рухлядью, старая обувь, сломанная лопата, куча всякого хлама, копившегося здесь годами. И над всем этим запустением громко, торжествующе слышался мерный сухой стук – будто кто-то долбил клювом крышу, будто капли падали на подоконник – тик-так, тик-так...

И тогда она увидела часы.

Ей часто случалось слышать или читать, что люди сознают, как сходят с ума, но никогда она не применяла этих описаний к себе. А теперь вдруг поняла, как это происходит. Просто что-то слегка сдвигается в мире – как подтаявший лед на реке или мороженое, которое вдруг начинает сползать с палочки, или капля, которая висит-висит на ветке да вдруг упадет...

...Так-так, так-так...

Часы с кукушкой, остановившиеся в незапамятные времена, сломанные безнадежно и так же безнадежно забытые, теперь пошли. Маятник громко щелкал, а стрелки показывали точное время – Наташа машинально взглянула на свои наручные часы. А затем присела на пол, рядом с чердачным люком. Ей удалось не упасть, сохранить хотя бы часть сознания. Она сидела на пыльных досках и смотрела, как мерно, очень заметно дергается длинная стрелка, отмечая ход минут. А потом стрелка дошла доверху и остановилась...

– Девять, – сказала Наташа.

Наверху приоткрылась дверца, и оттуда высунулась кукушка. Она попыталась что-то выкрикнуть, но вдруг захрипела и беспомощно повисла на рычаге. Дверца старалась захлопнуться, но ничего не выходило – она каждый раз ударяла птичке по голове, отчего та дергалась, как в конвульсиях.

И тут Наташа засмеялась.

Она смеялась до тех пор, пока какой-то последний часовой, стойко оставшийся на страже разума, не закричал, что наступает безумие, нужно немедленно остановиться, пока не поздно, бежать отсюда, бежать...

Глава 4

Она спустилась почти на ощупь, закрыв за собой чердачный люк. Постояла внизу у лестницы, держась за перила и прислушиваясь. Ей казалось, что если она опять услышит этот стук, то окончательно сойдет с ума. Но теперь было тихо.

Охотнее всего Наташа уехала бы в Москву, но поняла, что не дойдет до станции – ноги подгибались, ей едва удалось добраться до родительской спальни. Там она упала поперек кровати и закрыла глаза. Через неплотно пригнанные рамы до нее донесся голос соседки – та кого-то отчитывала на своем участке, в нескольких шагах отсюда. И это успокаивало – Наташа окончательно пришла в себя и даже слегка удивилась, почему испытала наверху такой мистический ужас.

Значит, придется провести ночь здесь. Одной. И дело не в том, что дом никогда не бывал так безлюден. И не в том, что она боялась одиночества. Но эти часы...

Отец сломал их в тот вечер, когда узнал, что жена не выживет, что осложнения после родов слишком серьезны, к врачу она обратилась поздно – мешали дети и домашние дела... И страшные боли, которые она молча перемогала последние полгода, означают не что иное, как близкую смерть. Он вернулся из больницы уже пьяным, дома выпил еще, а потом – так рассказывали братья – ударил пустой бутылкой по часам с кукушкой, когда им вздумалось заявить о себе в час ночи. На этом часе они и остановились. После похорон матери часы отнесли на чердак. Отремонтировать их никому и в голову не пришло – было не до того.

Наташа не помнила этой сцены – ей было всего три года, когда умирала мать, да и к тому же в час ночи она наверняка спала. Зато хорошо помнила кукушку – поиграть с этой птичкой, поймать ее в кулак было ее заветной мечтой. Но будучи девочкой послушной, она на это не решалась. Анюта и кукушки не помнила. Историю о сломанных часах сестры знали только со слов Ивана – тому было тогда уже десять лет и он присутствовал при всей сцене от начала до конца.

Шли годы, а часы так и оставались на чердаке. Сейчас Наташе пришло в голову, что, скорее всего, они не были безнадежно сломаны... А может, не были сломаны вообще – никто этого не проверял. От удара стрелки остановились, а внутри что-то хрустнуло – так вспоминал Иван. Дверца с кукушкой немного перекосилась и отошла в сторону, так что можно было разглядеть птичку. Часы наверняка можно было починить, но никто в семье не хотел их больше видеть, никто не скучал по жутковатой смуглой кукушке, грубо вырезанной из дерева.

– Боже мой, – Наташа перевернулась на спину. Теперь она глядела в потолок, широко раскинув руки на ватном одеяле. – Они пошли. Они даже показывают точное время.

Это пугало ее больше всего. Часы могли пойти сами собой от какого-нибудь сотрясения. Например, в них могла забраться мышь и толкнуть какое-нибудь колесико... Но самостоятельно подвести стрелки ни мышам, ни деревенским ходикам было явно не под силу.

Как давно они шли? Конечно, все время, пока она занималась уборкой. Если бы не включенный приемник, она услышала бы часы намного раньше. Теперь, закрыв за собой чердачный люк, Наташа не слышала ничего. Идут они еще или нет?

«Кто их мог завести? Кто их починил? Еще вчера они были сломаны, все в пыли, я же сама смотрела. Паша? Да он не умеет! Соседи? Глупость. Бродяга? Залез в дом и тайком починил?! Чего ради?»

Она еще раз прошла по дому, заглянула в каждый уголок, в каждый шкаф. Никого не нашла, выяснила, что ничего не пропало, но это ее не успокоило. Ноги понемногу начинали ее слушаться, но стоило подумать о часах, идущих наверху, или взглянуть на закрытый чердачный люк, как ею снова овладевала слабость.

«Может, попроситься спать к соседке? – малодушно подумала женщина. – Конечно, меня пустят на одну ночь... Нет, стыдно. Подумают, что я боюсь спать одна. А я и в самом деле боюсь. В доме кто-то побывал с тех пор, как я ушла в библиотеку, ведь утром я не слышала никаких часов, а люк был все так же открыт. Каким образом сюда забрались? Дверь я заперла, замки неплохие – Илья постарался в свое время. Залезли в окно?»

Она старалась думать о простых, понятных вещах, отгоняя вопрос: кому и зачем понадобилось проникать в дом с такой странной целью, как починка часов?

Сейчас все окна были заперты изнутри на шпингалеты. Наташа запирала их, по мере того как мыла. Уборка была затеяна еще и для того, чтобы будущий покупатель дома остался доволен его видом, и хозяйка не хотела, чтобы через открытые окна снова налетела пыль. Забраться в дом после уборки не мог бы никто – для этого нужно было разбить стекло. Но были ли окна заперты, когда она вернулась домой?

Этого Наташа утверждать не могла. Они были закрыты, но заперты ли? Окон слишком много, она попросту не обратила на это никакого внимания, когда взялась за уборку. «Как уследишь за такими мелочами? – подумала она. – Пока был жив Илья, окна наверняка запирались, когда все уходило из дома. Он любил все прятать и запиравать. А я как-то не обращаю на это внимания... Даже в Москве не запираю дверь днем – как в деревне. Паша меня за это ругает. Перед сном нужно проверить, хорошо ли я закрыла дверь...»

Она думала, что долго не заснет, но за день так устала и изнервничалась, что на нее сразу навалился глубокий сон – черный, глухой, без единого сновидения. Наташа проснулась лишь раз, от духоты. Выпила стакан воды, заготовленный возле кровати на тумбочке и тут же уснула опять, даже не вспомнив о своих вечерних страхах.

* * *

Разбудил ее стук в окно. Наташа села, ошалело прижимая к груди простыню. Было уже совсем светло. В окне маячила соседка, знаками показывая, что желает войти в дом.

Фигурой Елена Юрьевна больше всего напоминала связку воздушных шаров – огромных, средних и совсем маленьких. Шарообразно в ней было все – щеки, подбородок, плечи, грудь и живот. Даже глаза у нее были навывкате и походили на два крохотных голубых шарика. То была маленькая, необыкновенно деятельная женщина лет шестидесяти, установившая в своем семействе строгий матриархат. Она командовала мужем, своей волей выдала замуж двух дочерей, заставляла учиться в институте сына – сущего лоботряса, по ее собственным словам. Бережлива она была не меньше покойного Ильи, но в отличие от него, славилась своей отзывчивостью. Именно эта женщина чаще всех соседок появлялась в доме Лычковых, когда у них умерла мать. Она присматривала за детьми, готовила, стирала, возилась с Анютой. Благодаря ее заботам дети не выглядели покинутыми и запущенными сиротами.

Наташа отперла дверь, и связка шаров неторопливо вплыла в кухню.

– Ты что это мужу вчера не позвонила? – строго спросила соседка. – Он уж сам спозаранку звонит, спрашивает у меня, все ли в порядке?

Наташа ахнула:

– Забыла!

– Решила от него отдохнуть? – догадалась та, одобрительно осматриваясь по сторонам. – Убиралась вчера? Я видела. Правильно, нечего грязь разводить. Есть хочешь? Пойдем к нам!

Наташа отказалась. Она торопливо умылась в крошечной ванной, слушая, как Елена Юрьевна громко разговаривает с ней через дверь.

– Вот ты ко мне заходила, спрашивала насчет церкви. Я тебя не успела тогда спросить – что, какие-то деньги пропали?

«Ну, дает... – подумала Наташа, снимая с вешалки полотенце. – Прямо насквозь все видит! С ней нужно поосторожней. И зачем я вчера так откровенничала с Татьяной? Сама не понимаю... Можно ведь было намекнуть, а я все ей выложила, даже примерную сумму назвала. Как под гипнозом!»

– Так были какие-то деньги? – допытывалась соседка.

Наташе пришлось сознаться. Однако на этот раз она была намного сдержанней и на вопрос о сумме ответила, что точно ничего не знает. Точно одно – у сестры были кое-какие накопления, остались после Ильи, а теперь от них и следа не осталось. Этот ответ вполне удовлетворил соседку и в то же время встревожил ее.

– Так я и знала, ты зря спрашивать не станешь, – расстроилась Елена Юрьевна. – Значит, все-таки пропали деньги... Ты имеешь в виду те, которые она за машину получила?

– Те самые.

– И правда, – все больше расстраивалась та. – Анютка жила скромно, ничего себе не покупала, я ее даже ругала за это... Ходила в линялых тряпках, как старуха. Она бы всего не потратила.

Женщина нахмурилась и тут же возразила сама себе:

– Или потратила бы? Все-таки со смерти Илюши три года прошло... А продукты так подорожали!

Они сошлись на том, что Анюта вполне могла истратить на питание всю сумму, вырученную за «Жигули». О тайнике в часах Наташе рассказывать не хотелось. Соседка немного успокоилась.

– А я-то вчера все думала, почему ты меня спрашивала про деньги и церковь. С Анюты стало бы все им отдать...

– А почему она вообще туда зачастила? – поинтересовалась Наташа. Она уже успела поставить чайник. Елена Юрьевна присела за стол, не сводя глаз с окна. Отсюда был виден край ее участка, и она, даже придя в гости, контролировала ситуацию у себя дома.

– Да, ты же редко приезжала, ничего не знаешь, – заметила она. Но в ее голосе не было упрека, скорее гордость. Соседка, та самая маленькая девочка, которая росла у нее на глазах, выучилась в институте и теперь живет в Москве. Татьяна вчера говорила то же самое совсем по-другому.

И Наташа узнала, что сестра впервые отправилась в церковь в ту роковую зиму, когда подряд потеряла отца и старшего брата. Семья не была религиозна, но крещены были все, так что девушка решила заказать панихиду.

– А после этого она туда зачастила. Сперва раз в месяц, потом – чуть не каждое воскресенье. Чаше не могла, потому что Илья не любил, чтобы она где-то шаталась. Ну а уж когда он умер...

Елена Юрьевна махнула рукой и таинственно добавила:

– И еще эта Танька из библиотеки... Скажу я тебе...

– А что она? – сразу насторожилась Наташа.

– У нее же младший брат – батюшка. А с Анютой она всегда дружила. Ну, одно к одному... Анюта тогда загрустила, с Ильей было невесело... Вот и стала ходить в церковь.

И авторитетно добавила:

– Я этого не осуждаю, хотя сама туда не хожу. Лучше церковь, чем что-то другое.

– Да, лучше, – машинально согласилась Наташа. Она думала о другом. Татьяна – ближайшая знакомая Анюты, о деньгах слышала впервые. Ее младший брат начисто отрицал факт получения каких-то денег от своей прихожанки. Но куда-то же они делись? Куда?

И тут она вспомнила о часах.

– Знаете, я вчера уходила из дома на несколько часов. Ко мне никто не заглядывал?

– Никого не видела. А что – ждешь гостей?

– Да нет, – замялась Наташа. – Наоборот – никого не ждала, а кажется, тут кто-то побывал.

На этот раз она решила ничего не скрывать. В вопросе о деньгах ее удержала от полной откровенности деликатность – не хотелось порочить невинных людей. А Елена Юрьевна выносила обвинительные приговоры, как дрова рубила – сплеча. Обвинить священника и его сестру в присвоении чужих средств было бы для нее пустячным делом.

Пожилая женщина переполошилась:

– Воры?!

– Да напротив... Ничего не взяли, а сделали кое-что полезное. Давайте поднимемся, я покажу...

Она уже не так сильно боялась того, что таилось на чердаке. Ее успокаивало присутствие этой женщины, которую она привыкла уважать и даже слегка побаиваться. С ней было не страшно. Елена Юрьевна, взбудораженная до предела, первой ринулась на чердак. Наташа дождалась, когда та откинет люк, и крикнула снизу:

– Входите, не бойтесь. Сейчас сами увидите.

И последовала за ней.

Елена Юрьевна стояла посреди чердака и удивленно озиралась.

– Давно я тут у вас не была, – сказала она, обводя взглядом стены. – Хламу-то,хламу... Повыбрасывать бы половину...

Она говорила еще что-то, кажется, спрашивала, зачем они все-таки сюда взобрались, но Наташа уже не слушала. Она видела и слышала только часы... Точнее, уже не слышала их, а только видела. Часы остановились и стрелки теперь показывали час. Ровно. Она сообразила, что это, должно быть, час ночи. Часы встали, когда она уже спала.

– Ну, так что ты хотела показать?

– Часы... – пробормотала Наташа.

– А что? – деловито спросила Елена Юрьевна. Подошла к ним и вдруг всплеснула руками: – Вот они где! Сколько лет я их не видела! Ведь это же их твой папаша разбил, когда узнал...

Она осеклась и продолжала более спокойно и печально:

– Их после похорон куда-то убрали... Я думала, выбросили, а они вон где... И даже время то же самое... Мне запомнилось, что они показывали час ночи. Даже не знаю, почему запомнила, ведь столько всего уже забыла!

Наташа, не отрываясь, смотрела на циферблат. Стрелки и впрямь оказались на тех же местах, на которых простояли тридцать лет. «Час ночи, – пронеслось у нее в голове. – Их разбили в час ночи, и они снова остановились в час... И тоже ночи. Что происходит? Шли они вообще или мне все это привиделось?!» Она была так растеряна, что сейчас не смогла бы ответить на этот вопрос. А соседка продолжала допытываться, что случилось.

– Ты, детка, говоришь, что тут кто-то побывал, так? Почему?

– У меня было такое впечатление, – нерешительно произнесла Наташа. – Дело в том, что когда я вернулась домой, часы почему-то шли... Показывали точное время – я нарочно проверила.

– Так они же сломаны!

– В том-то и дело... Я тоже так думала. Но они шли и тикали так громко, что внизу было слышно. Не знаю, как они тикали раньше, плохо помню... Из них даже кукушка попыталась выскочить – ровно в девять... Я чуть с ума не сошла!

Елена Юрьевна продолжала недоумевать. Она открыла переднюю панель и заглянула вовнутрь. Затем, отстранившись, показала Наташе скопище колесиков и рычажков:

– Да взгляни, как они могли идти? Тут половина деталей на дне валяется.

Наташа убедилась в этом, в свою очередь заглянув вовнутрь. Механизм был испорчен, на этот раз безнадежно. Но вместо того чтобы усомниться в собственном рассудке, она неожиданно обрадовалась.

– Я абсолютно уверена, что вчера они были исправны, – твердо сказала Наташа. – С этими повреждениями часы идти не могли!

– Ох, детка... – Теперь Елена Юрьевна казалась задумчивой. Она бросила в ее сторону косой взгляд: – Ты так думаешь?

– Разумеется! С ума я пока не сошла.

– И как ты все это объяснишь?

– Вчера кто-то их пустил. Кто-то или что-то – человек или механический толчок... Хотя, судя по тому как точно они шли, это был все-таки человек. А потом с ними что-то случилось. Может, механизм сам развалился, не выдержал нагрузки... Или их кто-то сломал?

Последняя мысль ее поразила. Ведь когда она спускалась вниз, часы шли! Значит, кто-то побывал тут еще раз? Когда она спала? Ее передернуло.

– А почему они показывают то же время, что раньше? – не отступала соседка.

– Случайно...

– Уж очень много случайностей! Случайно пошли, случайно сломались, да еще на том же самом месте... Знаешь, выбрось это из головы, – решительно посоветовала та. – У тебя сейчас других забот хватит. Спустимся... Нужно поговорить.

Она больше не желала слышать о часах, и Наташа бросила на них прощальный взгляд, последней спускаясь с чердака.

Чайник давно кипел, исходя паром и зловеще погромыхая крышкой. Наташа налила чаю, предложила госте печенье, но та от всего отказалась. Вид у нее стал чрезвычайно серьезный.

– Что ты собираешься делать с домом? – спросила она.

– Продавать.

Наташа сама не ожидала, что это слово вырвется так легко. Соседка даже вздрогнула. Несколько поколений Лычковых жили в этом доме. Его выстроил Наташин прадед, которого она знала лишь по фотографии. После его достраивал дед, затем дом достался отцу... Последние изменения внес Илья – он установил обогреватель для воды, покончил с печным отоплением и окончательно придал дому цивилизованные черты. Так или иначе, все поколения что-то делали для этого старого деревянного дома, и вот... Наконец он будет продан.

– Ты хорошо подумала?

У Елены Юрьевны даже голос сел – так она взволновалась.

– А что мне с ним делать?

– Могла бы жить здесь с семьей. Ребенку лучше на воздухе. Где вы в Москве обитаете?

Наташа назвала район, та поморщилась:

– Наверняка нечем дышать!

– Ну почему же? Мы с мужем довольны, и ребенок не болеет.

– Все это до поры до времени, – зловеще сказала Елена Юрьевна. – Значит, дом тебе не нужен... А кому продашь?

И Наташа поняла, что тревожило соседку. Окрестности давно уже стали заселяться состоятельными людьми, покупавшими сразу по два-три участка. Вокруг поднялись особняки – красивые и уродливые, двух- и трехэтажные. Таких соседей и боялась Елена Юрьевна. Она знала, что купив небольшой участок Лычковых, новые хозяева на этом не остановятся и непременно позарятся на ее владения, находящиеся рядом. И тогда может быть все что угодно – от простой соседской ссоры до настоящей осады с применением оружия...

– Покупатель-то есть? – допытывалась она.

– Пока нет. Да и документы еще не готовы, нужно будет все оформить... Думаю, это не быстро.

– До осени провозишься, и то если повезет. – Но в голосе не слышалось облегчения. – Столько бумаг нужно... Но все-таки, как ты будешь продавать дом? Через агентство или?..

– Лучше через агентство, – вздохнула Наташа. – Потеряю деньги, но зато избавлюсь от лишних хлопот.

Елена Юрьевна страшно расстроилась. Она заверила Наташу, что покупателей обязательно нужно искать самой. Большое дело – оформить бумаги! Лучше потерять время, чем деньги! Она говорила и говорила, постепенно все больше распаляясь, а Наташа, слушая ее, понимала истинное значение этих речей.

– Вы боитесь, что соседи будут неприятные? – прямо спросила она.

– И этого тоже боюсь, – призналась та. – А вообще, что впустую переживать?.. Будут ли еще какие-то соседи?

– Почему бы нет?

И соседка, таинственно понизив голос, заметила:

– Дом-то... Его не скоро продашь. Уж очень у него дурная слава!

Наташа сама удивилась тому, какую бурю чувств вызвало в ней это заявление. Только что она бесстрастно отреклась от родового гнезда. Явись перед ней покупатель – он бы завладел домом в тот же миг, как показал бы деньги. Разве этот дом дорог ей? О, не дороже того, что за него заплатят! Разве она оставила здесь дорогих людей? Все умерли. Но эта фраза... Такая странная, зловещая и пренебрежительная... Наташа возмутилась.

– Если его и купят, то разве кто-то со стороны, – продолжала соседка. – А местные – ни за что!

– В чем дело? – Наташа с изумлением услышала, что ее голос дрожит. – Это вы о чем?

– Деточка, да разве ты сама не понимаешь?

Елена Юрьевна говорила почти жалостливо. Но при этом глядела так пристально, что Наташе становилось все больше не по себе. Она настояла на объяснениях и услышала...

– Это с твоей мамы началось... Она умерла в двадцать восемь лет, совсем была молодая. Я-то еще раньше замечала, что ей нехорошо. А потом как-то столкнулись у колонки, она подняла ведро и вдруг согнулась. Я спрашиваю – что случилось? А она отвечает – не знаю, но кажется, мне конец... – Елена Юрьевна торопливо обтерла пухлые розовые щеки – говоря о смерти бывшей подруги, она всегда начинала плакать: – Как в воду глядела... Родила и вскоре умерла. Я же за вами маленькими ходила...

– Помню, – коротко отозвалась Наташа. Все, что касалось смерти матери, задевало ее очень больно. Иногда у нее появлялось ощущение виновности в том, что она ничего не помнит о материнской болезни. Как будто ее участие могло спасти мать!

– Потом папаша твой... – Елена Юрьевна продолжала плакать, но уже скупно, будто для вида. – Черт его дернул в речку нырять! Нашелся тоже, рыбак!

– К чему вы клоните? – не выдержала Наташа. – Они оба умерли своей смертью, как все люди умирают! Оба перед смертью болели! При чем тут дурная слава?!

– А Иван?

О нем соседка говорила в таких выражениях, что Наташа похолодела. Она впервые узнала, что смерть ее старшего брата долго и неоднозначно обсуждалась на Акуловой горе. От некоторых подробностей ей стало попросту страшно.

– Говорят, был пьян... – авторитетно высказывалась Елена Юрьевна. – А когда он не был пьян? Я его впервые застала пьяным в шестнадцать лет. Отругала, по-матерински, да что толку – он с тех пор и не просыхал! Свалился, мол, с горы, разбил голову... Слушай, он на эту гору взбирался тридцать лет, и ничего! А тут вдруг на – упал! И как – все вокруг в крови, сам

без сознания, встать не смог, позвать не смог... А на работе его приятели говорят, что Иван выпил не больше обычного. Во всяком случае, домой не на карачках пошел!

Наташа решилась ее перебить:

– Но ясно же – раз на раз не приходится! С горы можно свалиться и в трезвом виде.

– Ваню я знала, как тебя, – категорически ответила та. – Как бы он там ни напился – все равно пришел бы домой на двух ногах. А если был трезвый – тем более. А тут что? – И резко подвела черту: – Убили парня!

Наташа вскочила:

– Что вы говорите?!

– Да что есть. Что все говорят, – хладнокровно ответила та.

– Да было же следствие! Решили, что это несчастный случай!

– А где ты была, когда шло следствие? – парировала та. – Семейные дела решала, так? Замуж выходила? Ты хоть знаешь, что следователь говорил?

И Наташа узнала... Узнала, что дело закрыли только за недостатком улик, да еще потому, что никто не хотел возиться с несчастным алкоголиком. Иначе бы...

– Голова вся была разбита, и снег вокруг истоптан. Не Ваней истоптан, он и встать-то после такого удара не мог, – безжалостно говорила Елена Юрьевна. – Несчастный случай, скажешь? Убийство! Зачем, почему – непонятно, но ясно, что парня убили. Может, не так на кого посмотрел, может, не так ответил... Ты же знала его, он был такой... Вроде Анюты.

– Блаженный, – тихо добавила Наташа,

– Да не то! Слабый он был! Алкоголик! – отрубил та.

Наташа только развела руками.

– Одного я не понимаю – зачем было его убивать? – пробормотала она. – Зачем? Он и не дрался-то ни с кем, никогда...

– Вот из-за этого «зачем» и следствия не получилось, – отвечала Елена Юрьевна. – Денег при нем не было, на горе его знали как облупленного, – никто и проверять бы не стал. Он сам вечно искал, у кого занять. На работе ни с кем не поссорился... А вот, поди ж ты!

– И все считают, что это убийство?

– А ты поспрашивай.

Наташе вовсе не хотелось никого расспрашивать. Соседка изъяснялась с такой безжалостной лаконичностью, что все вопросы отпадали сами собой.

– Хотя о нем не очень-то говорили, – продолжала та. – Потрепались и забыли. А вот когда погиб Илья... Тут опять про Ивана вспомнили.

– Но ведь Илью убили на дороге, а не здесь!

– Ну и что? – отпарировала та. – Все равно, он отсюда.

– Если так рассуждать, мы далеко зайдем! – продолжала возмущаться Наташа. – Илья занимался рискованным делом, подвозил ночью неизвестных людей. Всегда был при деньгах. Известно же, что таксистов часто убивают!

Но Елена Юрьевна стояла на своем – это убийство не было случайным – и все тут!

– Его дружки живы-здоровы, ездят себе, заколачивают денежки. А Илья мертв! И убийцу не нашли! Не нашли даже ту парочку, которую он к себе сажал перед смертью!

Наташа решила не спорить. Это дело тоже кончилось ничем, и она подозревала, что раскрыть убийство, совершенное в ночное время, на обочине шоссе, было попросту невыполнимо. Какие там могли быть свидетели? Ездят ночью немного, а если в машине у Ильи был погашен свет, то со стороны и вовсе нельзя было разглядеть, что творится внутри.

– А теперь вот Аня, – безжалостно подвела черту соседка. – С чего она вдруг руки на себя наложилась?!

– Вот и я бы хотела знать – с чего?

– А с того, что место у вас тут нехорошее.

Наташа хотела было возразить, что это предрассудки, но удержалась. Она слишком давно знала соседку и успела убедиться, что та, при всей своей практичности и здравом смысле, порой бывала до глупости суеверна. Она верила в дурной глаз, в порчу, в приметы, любила толковать сны и гадать на картах.

– Я же видела Анютку в огороде, – продолжала Елена Юрьевна. – Она копалась как ни в чем не бывало. А потом заперлась у себя и затихла... Мне бы раньше спохватиться, а я, дура, проворонила!

Она снова стала плакать. Наташа не выдержала:

– Чем бы вы ей помогли? Она проглотила столько таблеток, что через пару часов было поздно ее спасать.

– Это те самые, что твой Паша ей давал? – утирая слезы, уточнила соседка.

Отрицать было невозможно. Наташа неохотно кивнула. Она знала, что Елена Юрьевна мало что упускает из вида и наверняка запомнила, как после похорон Ильи зять угощал Анюту снотворным.

– Кто бы мог подумать, что она их сохранила, – тихо сказала Наташа. – А у нас из головы вон... Будь она в депрессии, мы бы, может, и спохватились... Но приезжали ведь, виделись... Все прошлое лето тут провели. Она вообще о смерти не думала.

– Следователь все искал записку, – вздыхала соседка. – Не нашел... Спрашивал меня, всех вокруг – что она говорила перед смертью, что делала, с кем виделась... Мы и сказать ничего не могли. Допытывался – может, к ней кто приходил?

– Никто, конечно?

– Никто. – Она осушила последние слезы скомканным в шарик платком. – А я, как увидела ее на постели, сразу подумала – проклятое тут место, нехорошее. Решила, что ты обязательно этот дом продашь, но кто купит-то? Здесь желающих не найдется.

После драматической паузы кухню огласил еще один тяжелый вздох. Елена Юрьевна, глядя в окно мокрыми глазами, предложила выручить соседку. У нее с мужем кое-что накоплено – хотят устроить сына по соседству от себя, тот как раз собирается жениться. Не хотелось бы выпускать его из виду – уж очень он еще несерьезен. К тому же невеста уже беременна, так что пойдут внуки, а бабушка с бабушкой хотят быть рядом... Так вот, они могли бы купить дом...

– Вы?! – изумилась Наташа. – Да вы же сами говорили... Только что...

– А мы священника позовем, – перебила та. – Сперва освятим стены.

– Вы же в бога не верите!

Та отмахнулась. Если она не бежит по церквям, это еще не значит, что она ни во что не верит. Так что думает Наташа?

Однако Наташа думала совсем не то, что желала ей внушить соседка. Все эти рассказы насчет нехорошего места не внушили ей никакого доверия. Она даже удивлялась, слушая, как та плетет свою историю. Неужели ее считают дурой?

«Уж кто-то, а она не упустит случая ухватить лишний кусок, – думала Наташа, стараясь сохранять непроницаемый вид. – Решила заполучить дом по дешевке. Может, и насчет сына соврала – решила дешево купить, дорого продать. Противно слушать! И подумать только – ведь она была нам как родная мать! А вот, поди ж ты, своей выгоды не забывает...»

– Сами знаете, документы еще не готовы, – уклончиво ответила Наташа. – Сперва нужно с ними разобраться. И потом... Слишком рано мы об этом задумались. Даже сорока дней не прошло.

Елена Юрьевна смутилась. Она принялась уверять, что у нее и в мыслях не было кого-то торопить – просто хотела сделать предложение заранее...

– Какие между нами счета, – повторяла она. – А я дам тебе хорошую цену!

– Я подумаю.

Этот неопределенный ответ не удовлетворил соседку. Вероятно, та сообразила, что перегнула палку, и внезапно заговорила о доме равнодушно, будто утерев всякий интерес к делу.

– Сама понимаешь, нам этот расход не слишком нужен. Я просто подумала о сыне, потом о тебе... Так все и совпало. Если продавать – почему не продать нам?

– Елена Юрьевна, – перебила ее Наташа. – Если я захочу продать дом, то первым делом зайду к вам.

Ее холодный тон окончательно обескуражил женщину. Та замялась, пробормотала какие-то оправдания в свой адрес и неожиданно рассердилась:

– Да что ты подумала? Продавай, кому пожелаешь, или вообще не продавай! Неужели считаешь, что я решила на тебе нажиться!

– И в мыслях не было!

Та грузно поднялась со стула. Одутловатое полное лицо пошло пятнами – Елена Юрьевна была в бешенстве от того, что ее попытка не удалась. Если бы дело выгорело и дом был куплен за бесценок, она бы не нашла в этом ничего плохого, но теперь считала себя опозоренной.

– Хорошо же, – отчеканила она. – Надумаешь – заходи. Сама знаешь, я тебе всегда помогла. Могла бы и вспомнить... Да что там – кто помнит добро!

Наташа тоже смутилась. Теперь ей казалось, что она излишне резко оборвала эту женщину, которая когда-то столько сделала для всей осиротевшей семьи. Она попробовала ее удерживать, но Елена Юрьевна подчеркнуто сдержанно попрощалась и покинула дом. Через минуту хлопнула калитка, соединявшая участки. Наташа только махнула рукой.

«Ну а что мне было делать? – подумала она. – Дать себя обокрасть только потому, что я кое-чем ей обязана? Она тоже хороша... Еще и обижается. Да ну ее! Наверняка больше никогда не увидимся».

И ей еще больше захотелось в Москву – к мужу, к ребенку, туда, где все ее любят, не ждут от нее никаких выгод.

«Уехать сегодня же? Но дело само не сделается, Елена Юрьевна права – нужно заняться оформлением документов. Голова идет кругом... И еще эти часы!»

Вспомнив о них, Наташа окончательно пала духом. Что же вчера произошло? Неужели, ей все привиделось? Ведь нынче часы выглядели так, будто были сломаны давным-давно. И стрелки стояли на тех же местах, как и прежде – соседка и та заметила. Но вчера... Что это было?

«А если впрямь видение? – испуганно подумала женщина. – Но со мной никогда такого не бывало! Конечно, я перенервничала... Только и думала о часах, о деньгах, об Анюте... Нет, не могло мне это привидеться! Как сказала Елена Юрьевна? Нехорошее место? Но кто может меня заставить повеситься или броситься в реку? Уж не место, во всяком случае! Тут нужно что-то посущественней! Но кто-то же заставил Анюту выпить упаковку таблеток...»

На улице стоял ясный день, бояться было нечего, но Наташа тревожно обошла весь дом, снова осматривая комнаты.

«Нет, лучше уехать! – решила она. – Потом вернусь с Пашей и мы уж вместе все решим. Ах, как нехорошо, у меня нет свидетеля, что часы шли! Но зато есть свидетель, что детали внутри не были выломаны. Паша видел это? Видел! А Елена Юрьевна может подтвердить обратное – там все разнесено в пух и прах. Кто-то же сделал это? Ведь не я?»

И тут ей вспомнилось, какими странными глазами смотрела на нее соседка, когда она ей пыталась втолковать, что часы недавно шли.

«Она посчитала меня сумасшедшей? Мол, сама пустила часы, сама сломала, сама себя напугала и все забыла?.. Может, потому и попыталась выцганить дом? А что – с нее станется! Решила, что на меня можно нажать, и я сдамся...»

Наташа собрала сумку, в последний раз взобралась на чердак, еще раз посмотрела на часы, даже заглянула вовнутрь. Спустившись, закрыла за собой люк и прошла по дому, пробуя, заперты ли окна.

Но окно в Анютиной комнате оказалось не запертым, а просто плотно закрытым. Женщина машинально повернула шпингалет и вдруг остановилась, нахмурившись.

«В чем дело? Вчера вечером я все проверила – иначе не решилась бы уснуть. Окна были заперты, все до единого. Кто его отпер?» Наташа всмотрелась в подоконник и вдруг ей почудилось, что она различает на белой эмалевой краске след подошвы. Цветочная рассада под окном была слегка примята.

– Так. Ночью здесь кто-то был, – проговорила она вслух. И звук собственного голоса ее напугал.

Глава 5

Теперь она и подавно не решилась бы здесь остаться – ни на минуту! Наташа торопливо заперла дом, подхватила сумку и почти побежала к калитке.

За оградой стояла высокая, тонкая девушка с белокурыми волосами. Ее серые глаза были до того темны, что казались почти черными. Девушка не стучала в калитку – просто стояла, взявшись загорелой рукой за ограду и смотрела на приближающуюся женщину. Она кого-то смутно напонила Наташе, но кого? Наташа никак не могла припомнить. Возможно, то была дачница, остановившаяся передохнуть.

Но девушка вдруг зашевелилась, толкнула калитку и самовольно вошла на участок. Наташа замедлила шаг и остановилась. «Кто это? Лицо такое знакомое... Кажется...»

– Наталья Ильинична? – произнесла та. – Это вы? Наташа так и ахнула. Это правильное, хотя и не слишком выразительное лицо, этот глубокий взгляд внезапно напонила ей одну маленькую девочку... Точнее, двух маленьких девочек – совершенно одинаковых. Но поразило ее не это, и даже не глухой, застенчивый голос, на удивление не идущий к эффектной внешности девушки. Она с ней заговорила! В это невозможно было поверить!

– Вы уезжаете? – застенчиво произнесла гостя. – Уже?

Любой мужчина, взглянув на нее, проникся бы к ней мгновенной, хотя и немного снисходительной симпатией. Она была бесспорно хороша собой, но... почему-то не впечатляла. В чертах ее лица недоставало смелости, тонкий силуэт не будил ни вожеления, ни простого интереса – настолько он был идеален. Раздававшаяся в бедрах и в груди, уже рожавшая женщина не почувствовала бы к этой девушке ничего, кроме неприязни. Та была очень юной и такой милой...

– Постой-ка, – неуверенно сказала Наташа, продолжая вглядываться в ее лицо. – Инна? Или... Ирина?

– Я – Ирина! – Девушка расцвела и сделала шаг навстречу. – Смотрите – родинка!

Она указала на верхнюю губу.

– Узнали?!

Наташа узнала – и в то же время не хотела верить своим глазам. В сердце у нее что-то больно сжалось – будто кто-то напонила ей, что время идет, она не становится моложе, а другие расцветают, смотрят наивным взглядом... Ждут какого-то чуда.

В сущности, Инна и Ирина – сестренки-близняшки, были совершенно неотличимы друг от друга. Только у Ирины была родинка над верхней губой. В остальном сестры были совершенно одинаковы – одинаковые светлые, чуть выющиеся волосы, одинаковые серые глаза, точные фигуры и странно-приглушенные голоса, как будто идущие через фильтр.

Сейчас им должно было быть по двадцать лет. Когда восемнадцатилетняя Наташа уезжала в Москву, девочкам было всего пять. Они запомнились ей двумя легкими, почти бестелесными фигурками, порхающими по Акуловой горе, подобно беспородным, но милым бабочкам-капустницам.

Когда она возвращалась сюда, чтобы похоронить отца и старшего брата, на поминках были и близняшки вместе с родителями. Девочки вытянулись, осунулись и сильно подурнели. Они превратились в нескладных застенчивых подростков и производили какое-то странное впечатление. А почему – Наташа поняла еще позже, когда приехала хоронить Илью. И тогда впервые поразила – как это она раньше ничего не замечала?!

Теперь это были уже сформировавшиеся семнадцатилетние девушки, только что окончившие школу. Их лица отличались бесспорной миловидностью, по прямым спинам струились пышные светлые косы. На губах порхала легкая, ничего не выражающая улыбка – одна на двоих. Разговаривали девушки еле слышно – будто про себя...

Они помогали накрывать поминальный стол, охотно мыли посуду, подавали блюда и чуть заметно улыбались – как будто понимали, что улыбки на поминках неуместны, но в то же время хотели оказать гостям любезность. Когда все ушли, близняшки по собственной инициативе вымыли полы. Попрошавшись с Наташей и Анютой застенчивыми улыбками, девушки исчезли...

Все это время Наташа не могла избавиться от смутного чувства, что в поведении близняшек есть что-то весьма неестественное. Но что именно? Девушки были такими услужливыми, милыми... Ну разве что немножко стеснительными.

Все разъяснила Людмила. Запирая на ночь дверь, она спросила Наташу, заметила ли та, что?..

– А что? – удивилась Наташа.

– Да они же не разговаривают!

– Кто?

– Да обе близняшки!

Наташа против воли заулыбалась – настолько диким показалось ей это обвинение.

– По-вашему, девушки немые?

Людмила развела руками:

– Кто говорит, что немые?! Ненормальные просто! Недоразвитые какие-то! Разговаривают только между собой, а с другими – ни слова! Я даже у их матери спрашивала – так или нет? Она подтвердила. Сказала, что они с детства были такие: друг с другом болтали, а больше ни с кем ни слова! Даже с родной матерью! Как им школу-то удалось закончить – ума не приложу! Небось на сочинениях выехали!

Наташа ушам своим не верила. Она была готова поклясться, что девушки не раз говорили при ней, а если им задавали вопросы – отвечали... Но в тот день она была слишком утомлена, чтобы спорить, а назавтра Людмила исчезла из дома навсегда.

Позже, наведавшись в гости к Анюте и мельком встретившись с сестрами, она убедилась, что Людмила в чем-то была права. Девушки и впрямь не отвечали на вопросы. Во всяком случае, не отвечали словами. Они только смотрели, улыбались и иногда могли что-то сказать, обращаясь друг к другу. Создавалась иллюзия общения, которого на самом деле не было. Наташа подивилась этому и даже хотела порекомендовать их матери отвести девушек к психологу – тут ведь явно какой-то эмоциональный тормоз, невроз... Но потом махнула рукой – какой смысл путаться в чужие дела? Да и мать, конечно, давно сводила их ко всем возможным врачам...

Прошлым летом, отдыхая у сестры, она вовсе не видела девушек. На этот раз у них не было причин заходить в гости. Анюта с ними не дружила... С ними вообще почти никто не дружил – как общаться с человеком, который улыбается, выразительно смотрит тебе в глаза, но не говорит ни слова?

И вот Ирина с ней заговорила – сама, без принуждения.

– Да, я как раз собиралась ехать, – с запинкой проговорила Наташа. – Потом, на девять дней, вернусь.

– Как жаль, – пробормотала та. – Я сама виновата, что раньше не зашла! Не хотелось навязываться...

Наташа, наконец, пришла в себя. Ну заговорила девушка – что тут удивительного? Может быть, сестрички наконец попали к хорошему психологу и он им помог. Они ведь не были немые – просто в качестве собеседников им вполне хватало друг друга.

– Во все ты не навязываешься, – сказала она. – Почему не пришла на поминки? Мы ведь не могли позвать всех лично. Могла бы догадаться!

– Да я... – смутилась она. И замолчала – на минуту показалось, что навсегда. Наташа даже испугалась, не вызвала ли своими упреками новый приступ немоты. Но Ирина подняла глаза и

виновато пояснила, что прийти не могла никак. Она должна была сидеть дома, присматривать за сестрой. Сейчас это необходимо. Тут женщина окончательно встревожилась:

– А что с Инной? Больна?

– Ну в общем нет. Только она теперь старается из дома не выходить.

Ирина говорила еле слышно и почему-то бросала опасливые взгляды через забор – на соседский участок. Наташа тоже невольно туда взглянула и увидела грузную фигуру Елены Юрьевны. Та ползала по грядкам, высоко задрав зад, обтянутый старым ситцевым халатом, и, казалось, была всецело поглощена выпалыванием сорняков. Однако Наташа знала – ей все прекрасно слышно. Она не раз в этом убеждалась еще в детстве, когда обнаруживала, что соседке известны все маленькие тайны, которыми обменивались они с Анютой. «И сейчас подслушивает, – поняла женщина. – Нужно или войти в дом, или...»

Но возвращаться в дом очень не хотелось. И она, не вполне гостеприимно, предложила Ирине проводить ее до станции. Та немедленно согласилась и даже порывалась нести сумку. Этого ей не позволили, и, заперев калитку, Наташа двинулась в путь. Девушка пошла рядом. Только спустившись с горы на шоссе, она заговорила снова.

– Вы поняли, да? Мне не хотелось, чтобы она слышала.

– Поняла. А что она могла услышать? Почему твоя сестра засела дома?

Наташа снова начала улыбаться – уж очень забавлял ее этот неожиданно проснувшийся дар речи. Она даже хотела отбросить церемонии и спросить, почему произошла такая перемена... Как вдруг Ирина сказала такое, что сумка вырвалась из пальцев ошеломленной женщины и плюхнулась в пыль. Она стояла, прижав руки к груди и тщетно пытаясь что-то ответить. Они поменялись ролями – теперь Наташа потеряла дар речи, а Ирина говорила, не останавливаясь...

В начале мая, незадолго до смерти Анюты, на Инну напал маньяк. Неподалеку отсюда, на подступах к Акуловой горе. Девушка возвращалась с вечерних занятий шейпингом и была одна. Подруг у нее не было из-за немоты, а сестра на эти занятия не ходила, предпочитая курсы кройки и шитья. Одиночество девушки, ее стройная фигура и длинная коса сыграли с ней злую шутку. Она была почти дома – оставалось только спуститься в низину и пройти по территории большого гаражного кооператива. Это и днем-то было достаточно глухое место, которое Наташа не любила и старалась избегать. Ее пугали длинные ряды запертых гаражей, но еще больше – черные дыры открытых... Инна, выросшая в этом месте и не боявшаяся тут ничего и никого, спокойно шла между гаражами и вдруг услышала за собой шаги. Она была настолько безмятежно настроена, что даже не обернулась. Внезапно сильные руки схватили ее за шею, повалили на землю и начали душить. Инна перепугалась насмерть и растерялась настолько, что даже забыла о том, что вполне может оказать сопротивление. Она была спортивной девушкой, в отличие от сестры, больше тяготевшей к домашнему хозяйству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.